403/к
А 3602
Рос 4-4
1-857

КАЗАКИЯ

1936

8 (14)

ДОНСКОЙ АРХИВЪ

Центральный Государственный архив Октябрьской Революции и соц. строительства
ф. № 7030 оп. № 3 ед. хр. 2139

СОДЕРЖАНИЕ:

1. ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ ВК — КАЗАКОВ-НАЦИОНАЛИСТОВ

ОТДЕЛ НАУЧНЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

1. Д-р С. А. ФЕДОРОВ: Казачья нация. (Осознание нации).
3. Инж. В. Г. ГЛАЗКОВ: Новая советская конституция.
4. ШАМБА БАЛИНОВ: Слово принадлежит членам Круга.
5. НИМИНОВ Ш.: Из задач второго дня.

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

6. Проф. Ф. А. ЩЕРБИНА: Пережитое, передуманное и осуществленое.
7. А. Н. ТРОФИМОВ: Степан Тимофеевич Разин (Продолжение).
8. Н. МЕДЯНИК: Ликвидация Бугского Казачества.
9. ЛАНТУХ: Из истории сношений казаков и болгаров.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

10. Н. КЕЛИН: (стихотворение).
11. Е. В. К.: Наша степь (стих.).
12. С. БАЛЫКОВ: Мать (рассказ).
13. Г. АЛЕКСАНДРИН: Из родных картинок (стих.)

ЖИЗНЬ КАЗАЧЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ

14. Третий Окружной с'езд в Болгарии.
15. На могилах соратников.
16. Неудавшаяся вылозка пражских советооборонцев.

ХРОНИКА.

ОТКЛИКИ

17. Волыним казакам в гор. Луцке. ВЛ. ЕРЕМЕЕВ
18. К Казакам: П. КУДИНОВ

Журналъ „Казакию“ можно получат:

1. В Париже у Балинова: 7, Rue Chemin Creux. loinville le Pont (Seine)
2. Берлине у Овсяника: Konigin Elisabettisstr 41. Berlin — Charlotenburg.
3. В Праге д-р Федеров: laromirova, 456. Praha—Nusle Udoli.
4. В Братиславе у Балыкова: Ruzova dolina, s 199.
5. В Брно инж. Запорожец: Krkoskova, 29. Brno—Husosice.
6. В Польше у инж. Тулаева: Wilno, Pielkielko, 7 m 1.
7. В Белграде у Е. Перфильева. Донска ул. 3 р. 1.
8. В Лионе у Хорунженко, 82, av. Sidoine Apollinaire. Maisôn O. Luon (Vaise)
9. Казаки из всех других стран могут выписывать прямо из издательства и склада: София ул. Царь Симеон, 5. П. Н. Кудинов.

Для казаков, рассеянных по всем уголкам земного шара и заброшенных в чуждое людское море, родная казачья печать единственная связь между собою, единственная моральная опора.

Кажды казак, еще духовно не умерший и не желающий умиратъ, в собственных интересах, должен получать свою казачью прессу.

Казачьи националисты, разбросанные по всему миру и, скудно зарабатывая, лишенные возможности оказывать своему освободительному движению солидную материальную поддержку, свой моральный долг могут выполнить подпиской на свой национальный журнал „Казакию“ и всемерным распространением его в своей среде.

Помните казаки всех войск, что вы — дети одного народа, и что журнал „Казакия“ защищает идею казачьего благополучия.

— Казачество достойно свободы, земля его велика и богата, казачье государство осуществимо — вот что говорит „Казакия“.

Пока в среде культурного человечества не перевелись честные и благородные люди, стремление угнетенного и обижаемого народа к своей свободе и самостоятельности всегда найдет друзей.

Но для этого, прежде всего, должен выявить свою волю к свободе сам угнетенный народ. Эта воля лучше всего можеть быть демонстрируема наличием беспрерывной печатной пропаганды. Эта беспрерывность будет обеспечена дружной подпиской казаков на „Казакию“.

Вот почему подписка на „Казакию“ имеет не только коммерческое, но и глубокое политическое значение.

Существование и распространение „Казакии“ — экзамен для казачьих националистов.

Подписка принимается у нижеследующих лиц:

Печатница „Св. Ив. Рилски“ — София, ул. „Св. св. Кирилъ и Методий“ № 9.

А 3602 Рос Ч-Ч 1-857

КАЗАКИЯ — КОЗАКІЯ — KOSAKIA

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией: С. БАЛЫКОВА, Г. ЕРЕМЕНКО и Ф. ОБОЛЕНСКОГО

№ 8 (14) ✸ Август 1936 года. Болгария, София, Царь Симеон, 5 ✸ № 8 (14)

ДОНСКОЙ АРХИВЪ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА I3 ОТДЕЛ им. В. И. ЛЕНИНА

67-342

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ ВК — КАЗАКОВ НАЦИОНАЛИСТОВ

В Номере 200 „Вольного Казачества“ редактор этого журнала сделал жест, который должен был быть воспринят, как шаг к примирению между стороной ЦП. и его, как „Пох. Атамана“. Так как обращение его было адресовано к определенной группе и отдельному лицу, то ЦП., желая дать слово прежде всего тем, к кому „Пох. Ат“ обращался, не выявило своего отношения к затронутому вопросу.

Ныне, когда казаки Болг. ВК округа сами дали вполне разумный и уместный ответ, ЦП считает нужным указать всем казачьим националистам, желающим об'единения всех вольноказ. сил, на единственно правильный и радикальный путь к достижению крепкого внутреннего мира в казачьем национальном движении.

При всех случаях организационных недугов, как и недугов человеческих, когда случаи эти повторяются в особенности, нужно помнить одно, а именно: нельзя бороться с последствиями, не изменив их причины. Найти причину недуга и ее искоренить — вот главная и основная задача всех тех, кто серьезно думает бороться с явлением.

С этой точки зрения чрезвычайно любопытным представляется течение и развитие данного нашего внутреннего конфликта, который, являясь отдельным звеном в целой цепи, к настоящему времени глубоко расколол все казачье национальное движение.

Всякий беспристрастный наблюдатель и исследователь не может не установить того, что ширина, глубина и продолжительность этого раскола только тем и об'ясняется, что не все казачьи националисты установили коренную причину конфликтов и не все решились на радикальную меру в борьбе с этой неурядицей, ограничиваясь полумерами, вместо верного лечения недуга обходясь поллиативами.

Результатом такого отношения явилось то, что к данному времени единое вольноказачье движение разделилось на два противоположных, равноправных и взаимно независимых лагеря. Никакой оппозиции и никакого правительства нет, а есть две параллельные организованные группы с своими законными для каждой из них руководствами и своими писаными организационными положениями т. е., — раскол упрочился.

Но значит ли это, что такое положение должно остаться навсегда?... Конечно, — нет. С таким опасным для всего дела положением ни один сравнительно честный и сравнительно здравомыслящий казак-националист спокойно примириться не может. Путей и средств к об'единению вольные казаки должны искать непрестанно и обязаны их найти.

Эти пути и средства к об'единению легче и скорее будут найдены лишь тогда, когда все вольные казаки, не пытаясь по обывательски об'яснят наш внутренний раскол личными мотивами, установят коренную причину системитических разладов, разыгравшихся в нашем центре, и за исходное примут существующее фактическое положение вещей.

Казаки националисты должны помнить, что на одной стороне — диктатор под титулом: „Походный Атаман“, отметающий от движения почти всю казачью национально настроенную и активно рабовающую интеллигенцию, духовно опустошая этим всё движение.

На другой стороне — Центральное Правление, созданное и поддерживаемое почти всей вольноказачьей интеллигенцией, которая отметает диктатора, и как институт и как личность.

Вольноказачья масса, которая разделена между этими двумя центрами, должна сделать выбор, так как компромисса между ними не может быть. При тыборе должны помнить, что на одной стороне — неудачная попытка осуществить невозможную в данных условиях и вообще чуждую казачьему национальному духу систему диктатуры, проводимую лицом, обладающим известными всем отрицательными личными качествами, вредно отражающимися на его общественной деятельности, а на другой стороне — организованная казачья национальная интеллигенция, работающая на основе извечных казачьих общественных традиций и навыков.

И еще одно должны помнить вольные казаки: Ошибка или измена на первой стороне возможны в результате ошибки или измены **одного** только лица; на второй же стороне ошибка или измена возможны только в результате одновременной ошибки или измены **всего** состава Центрального Правления — старых националистов, составляющих ведущее ядро и имеющих непосредственное общение со всеми видными казачьими националистами, как и самим казачьим народом.

Итак, основная причина наших внутренних конфликтов это — невозможность примирения и сотрудничества между ЦП. и „Пох. Атаманом“. А единственно правильный путь об'единения вольноказачьих сил это — выбор между этими двумя центрами. Только этим путем мы избавимся от перманентных конфликтов в центре, и только этим путем мы об'единим наши силы въ один кулакъ.

Все компромиссные и временные средства суть бесполезны. Все подобные меры давным давно в самом центре испытаны. Чтобы оздоровить наше движение нужно, в конце концов, отказаться или от **одного** человека, или — от **всей** национальной казачьей интеллигенции, в течении 9-ти лет суще-

ствования вольноказачьего движения показавшей волю к действенности.

Слово за казачьими националистами.

Центральное Правление при этом предупреждает, что сознание им своей правоты целесообразности его работы настолько прочно, что оно при всяких обстоятельствах будетъ продолжать свою национальную работу.

Предс. ЦП. **П. Кудинов**

Члены: Др. Федоров, агр. Евсиковъ, И. Безуглов, Ш. Балинов, инж. П. Головчанский, И. Овсяник и С. Косоротов.

Ген. Сек. **С. Балыков.**

Д-р. С. А. Федоров (ЧСР)

КАЗАЧЬЯ НАЦИЯ

(Осознание нации)

Благодаря своим психическим особенностям, казачий рассовый тип выявляется в его истории общественной жизни. Поскольку определенная физическая группа (раса) представляет из себя и психическую расу, постольку она безусловно занимает определенное место, в числе факторов исторической и общественной жизни, которое принадлежащее ей, как носителю определенных особенностей духа. Психическая раса, которая сама является продуктом исторического развития, претворяется из следствия в причину, становится фактором, который, в определенных границах, перестраивает даже направление историческ°го развития.

Своими внутренними психическими особенностями она влияет и на свое окружение, которое, в связи с определенными общественными антагонизмами, в своих границах, или принимает эти особенности или отбрасывает их. Примером первого может служить Вольное казачество, которое в средине XVII ст. дало толчок к освободительным стремлениям на Днепре и Волге, примером второго — уничтожение прав и воли казачьих во времена имперской России и революции.

Вследствии этой перестройки общественных отношений, в политической и экономической борьбе, возникает и эволюция этики, осознание своей народностной особенности и стремление к своей государственности, как противопоставление иным народностям.

Эволюция этики Казачества, — каковая проходила, в более или менее определенном времени, широкий путь и приносила определенное непрестанное осознание идей народоправства, чистой демократии и подлинного государственного разума, которые так отличают казаков от коренной массы российского люда, — является отблеском общественной истории Казачества. Ее первые нити были вплетены в психику народа уже очень давно, вернее унаследованы, от очень отдаленных предков.

Осознание своей народности всюду являетс^я следствием долгого политического и культурного развития. Но раз возникнув, оно уже не пропадает, все равно как и человек, который осознав себя как особу, не может уже отказаться от сознания своих личных прав. Это обстоятельство может быть неприятельским в отношении мира, окружающего человека, если бы он (этот мир) пытался давить на развитие человека, препятствовать ему, угнетал бы его, но в основе всякой развитой личности, индивидуальной или коллективной, лежит широкое общественное чувство сознания своей солидарности с другими, для достижения общих целей, полезных для преуспеяния личности, ибо у человеческого общества не имеется никаких целей, которые бы выходили за границы его самого, оно является самоцелью. Поэтому мы и говорим: „Казачество—самоцель".

Осознание казачьей массой своей народности не принадлежит только к подсознательным проявлениям его „сырьевой" части, казачья передовая интеллигенция и казачья пресса, независимо от направлений и политических симпатий, давно уже трактуют Казачество как народ, хотя и не всегда решаются ставить точки над-і в этом отношении.

Делая конечные заключения в своей обширной работе по истории административного и государственного права на Дону, С. Г. Сватиков, сам не казак, а великоросс, говорит, что казаки отбрасывают от себя название „русских". Таким образом, радикализм казачьей массы вышел даже за границы истории. Казачество, вопреки стремлениям российской культуры, не отказалось от осознания своей отрубности от общеруссицизма.

Народность, равно как и национальность, есть продукт исторического процесса—говорит Хвостов. Состоит он в том, что масса людей, переживая одни и теже исторические судьбы, живя в одних и тех же географических условиях, вырабатывает ряд духовных особенностей, которые потом проявляются в поведении и поступках массы. Особенности народностных (национ.) характеров выростают постепенно. Долго происходит процесс брожения, в продолжении которого из разнообразных элементов, брошенных в котел истории, выплавляется определенный облик нации.

Образование французской нации не есть что-то очень отдаленное, а европейские национальности, как, например, греческая, итальянская, германская, произошли от смешения различных элементов в очень прихотливых сочетаниях. Поэтому и нельзя указать те об'ективные признаки, в каких, без сомнения, должны проявляться духовные особенности национальностей; такими признаками не являются ни язык, ни религия, ни политическо-государственная организация.

Национальности проявляются просто в определенных особенностях мышления, чувствования и желаний, которые отражаются на поведении народных масс и влияют на ход исторических событий.

Народностный или же национальный принцип есть новый, модерный, в древние же и средние века его не существовало.

Отдельные народы, собственно говоря, противопоставлялись один другому, но только как чужак чужому, сознательного народностного принципа не

было. В среде самих народов отдельные его части стояли и рука об руку и против себя. Иногда только проявлялась сознательность народов, но осознанного народностного принципа не было. Только реформация и ренессанс начинают осознавать его-говорит великий чешский философ и мыслитель Массарик.

Идея национальности, как теперь ее понимают, начинает устанавливаться с конца прошлого столетия. Поэтому нет ничего удивительного, что мы постоянно встречаем отпор против этого понимания национальности у людей, которые были воспитаны на взглядах прошлого века, или же еще не приобщились к взглядам науки нашего времени. Разве не разительно то, что замечаем мы это явление не только у российской, но даже и у нашей казачьей интеллигенции, воспитанной именно на понятиях вщепленных российской школой?

Этот принцип появляется как особое и очень сильное чувство, как любовь к материнскому и к целому быту народа, говорящего тем же самым языком или очень приближенным к нему и любовь к земле, на которой эта народность живет (Масарик). **Это есть модерный патриотизм.** Народностный принцип приобретает силу в Европе с XVIII ст. и процесс индивидуализации происходит так сильно, что появляются пробы осуществления самостоятельности таких племен, языки которых и диалекты до сих пор даже и не культивировались. Что же в этом удивительного, когда Казачество теперь стремится к осуществлению этого принципа в своей массе?

История нас учит, что народность могла развиваться там, где чувство ее, как только возможно в широкой мере, охватывали все ее слои: такую возможность дает и давала демократия, а Казачество с покон веков было демократично.

Для широких кругов просвещенной интеллигенции Востока Европы этот процесс среди Казачества был неизвестен, ибо проявления его, равно как и исследования в этой области, были жестоко наказываемы, а оффициальная наука обслуживала идею единого русского народа. Вообще, мы часто не видим племенного бытия и рас там, где они в действительности существуют. В глазах европейца Китай представляется единоплеменным, точно также как и Россия (СССР) только с единой русской народностью! Для китайца же, в свою очередь, все европейцы кажутся одноплеменными. Точно также, в свое время испанцы, открывшие Америку, считали, что индейские народы ее являются одной семьей, хотя, в действительности, между ними было около 500 народностных разновидностей.

Именно по этому на Казачество смотрели и смотрят так, как будто оно было нераздельной составной частью единого русского племени, хотя, в действительности, оно никогда в своей истории таковою не было.

Казачество прошло все первоначальные степени человеческого развития. Начиная от примитивных форм жизни охотничье-рыболовных племен, через воинственный номадизм, который, в силу особенных условий, удержался даже до начала XVIII ст., оно пришло к современным нам культурным формам жизни, неизменно сохраняя в своей эволюции, от времен прадревних до нашего времени, типические черты племенного характера.

В этом процессе из того рассового агломерата, каким Казачество представляется в прошлом и настоящем, **создается нация в модерном научном понимании этого слова,** со всеми ее характерными особенностями.

Соглашаются ли с этим наши казачьи друзья и противники, или нет, никакого значения для нас не имеет. Факт остается фактом, если его даже и отрицают. Казачество идет по историческому пути, в эволюции своего самобытного процесса, и, естественно, приходит само по себе, вне зависимости от желаний или нежеланий, пытающихся не видеть очевидное, к завершению этого процесса.

Национальная осознанность Казачества является фактом и приведет к ее завершению — воссозданию **казачьей государственности в национальном казачьем государстве—Казакии.**

Ш. Нимичов (ЧСР)

ИЗ ЗАДАЧ ВТОРОГО ДНЯ*)

Основная задача казачьих националистов по своему характеру и размеру относится к разряду таких, для удачного решения коих требуются особые условия, особая политическая обстановка, создание коих не по собственным их силам. Поэтому живые силы движения обречены на невольное ожидание соответствующих событий, до наступления которых, когда может быть приступлено к практическому осуществлению постановленной цели, мы, как и националисты иных закабаленных Россией народов, принуждены заниматься только внутренней и внешней идейной пропагандой, организационной подготовкой собственных сил и намечанием тех важных работ, которые предстоят впереди.

Исходя из этого положения, нам можно говорить не только о самом главном (об освобождении), но и о задачах второго дня по освобождении, о тех работах и мероприятиях, кои необходимо будет провести в качестве первых шагов нашего государственного строительства. Это важно потому, что заранее намеченная и спроектированная работа бывает легче и лучше проводима, чем работа, которая, что называется, нагрянула, как снег на голову.

Находясь не одну сотню лет под властью русских, Казачество не могло избежать печальных последствий этого положения, как и всякий иной, надолго закабаленный народ. Одним из главных и очевидных последствий этого подневольного положения является то, что Казачество к данному времени стало **неполной** нацией, т. е. такою, у которой в собственной народной структуре отсутствуют некоторые общественные элементы, выполняющие важные функции в жизни организованного народа-государства. Находясь под властью русских, Казачество постепенно превратилось в один из подсобных слоев этого народа, выполняющий определен-

*) Мысли о структуре города и деревни и их взаимоотношении заимствованы из труда изв. укр. социолога М. Ю. Шаповала в изложении Б. Н. Уланова в его докладе.

ную и узкую функцию жителей хуторов и станиц, в сельско-хозяйственный класс, являющийся материалом для жизни и деятельности городов, населенных иными народами, преимущественно представителями народа господствующего.

А наука учит и жизнь подтверждает, что „во всем мире города управляют деревнями и нигде наоборот. В жизни всякого народа лишь городские составные агрегаты являются сосредоточением управляющей силы".

В этом, между прочим, и кроется причина того, что много больших, воинственных и сильных народов исчезло с течением веков с арены мировой истории, а иные малые и слабые народы сохранились тысячелетиями. Те народы, которые не сумели организовать собственные города, как жизненные центры, исчезли, и сохранились только те народы, которые организовали свои города и вокруг них об'единились.

В чем же тайна этой силы города и каков его механизм? . . .

Основание этой силы обуславливается материальной, экономической, социальной, культурной, психической и политической организацией города.

1. Материальная организация.

Город и деревня (хутор, станица, аул, хотон, кишлак, село) резко отличаются уже по своим внешним признакам — постройками, размерами и типами их, материалом из которого они сделаны: дерево, глина, хворост, войлок, кожа, солома, камыш, если камень, то в крайне примитивной отделке, небольшие и примитивные постройки в деревне; кирпич, всех видов камни, железо-бетон, сталь и стекло в городе; невылазная грязь или тучи пыли в деревне, поливаемые и подметаемые автомашинами улицы в городе; примитивное пользование часто грязной водой из тех же источников, где поят скот, в деревне жуть и тьма по ночам, феерическое, электрическое и газовое освещение, прекрасные и громадные общественные постройки в городах, полное отсутствие таковых в деревнях телеграф, телефон, радио, автобусы, трамваи и автомобили в городах, как средства связи и общения, и полное отсутствие их в деревнях.

2. Экономическая организация.

Город есть соединение людей, оторванных от земли, т. е. от земледелия, скотоводства, рыболовства и т. д. Они обрабатывают разные материалы (сырье), ведут промышленность, организуют и ведут обмен продуктами промышленности, а также и продуктами сельского хозяйства. Они ведут, регулируют и руководят системой денежного и кредитного оборота. В городе реализуется земельная рента и сосредотачивается прибавочная стоймость. Поэтому капиталы собираются в городе и раскладываются между социальными элементами города. Какие бы ни были изменения в распределении капиталов, но главная их масса функционирует и остается в городе. По всем видам путям сообщения, со всех сторон, стекаются в город громадные материальные ценности. Даже сам город, как таковой, нередко является собственником огромного экономического добра.

Деревня ничего подобного не имеет. Она доставляет в город продукты земледелия, скотоводства, рыболовства, **охоты, по ценам, которые вырабатывает и назначает город,** как рынок, как биржа, как законодатель и как правительство.

3. Социальная организация.

Занятия и интересы деревни определяются землею и ее свойствами. Город социально дифференцирован соответственно своим функциям: промышленники-капиталисты, торговцы — капиталисты, финансисты — капиталисты, их служащие (люди умственного труда) и работники (люди физического труда), люди администрации, люди культурного труда: ученые, писатели, художники и т. д.; политические, профессиональные, религиозные и т. п. группы, юридически привеллигированные, с ограниченными правами и т. д. и т. д. Город это — соединение всех разных групп в один агрегат, **связанный необходимостью отношений.** Каждая группа зависит от другой, а не от земли. Главное: в городе человек зависит от человека, а в деревне от земли. Деревня, с точки зрения занятий, — однообразие, город — бесконечное разнообразие. Деревня поэтому социально слабый агрегат. Город есть отдельная от земли система социальных отношений, а деревня — механическое собрание отдельных семей, больше связанных с землей, чем с соседями. Социальная природа города и деревни полна контрасту. Город связан социальной солидарностью, а деревня связана соседством, родственной связью.

4. Культурная организация.

Прежде всего город есть центром для развития человеческого знания, научно организованного. То, что называется наукой, есть продукт города и служит для удовлетворения требований, рожденных городом. Университеты, техникумы, различные ученые институции, библиотеки. типографии и т. д. организованы городом на почве его потребностей. Промышленность со всей системой машин, инструментов, со всеми их комбинациями, торговля со всей системой транспорта все это продукт города, выражение его потребностей, функций и знаний, организованных наукой. Искусство, архитектура, музыка. литература, театр и т. д. и т. п. — все это создал и развил город, а не деревня.

Деревенская архитектура не идет дальше постройки жилищ из дерева, глины, соломы, кизеков, войлока, шкуры, а музыка дальше песни и игры на примитивных инструментах, живопись дальше примитивного орнамента, литература дальше устной словесности, передачи слова словом, а не символизация мыслей и чувствований в предметах, не фиксация их в форме организованной материи.

Организация распространения человеческой мысли и слова это дело города. Письмо и печать дал город. Почта, телеграф, телефон, кинематограф, радио и т. п. все это дал город. И вся эта культурная работа идет в сложном социальном пространстве, несмотря ни на какую погоду, ни на какие события. Даже для деревни город дает возможность лучшего познания и использования земли: машины, химию и науку о земле и ее свойствах дает город, а деревня без города тысячелетиями жила бы одним своим эмпиризмом, не отмечая ни одного научного изобретения. Сама историческая наука стала возможной только с появлением письма, а письмо дал город. История создана городом, а деревня, не зная как творить историю, не знает своего прошлого. Город регистрирует, записывает, материализует слово и мысли тысячи лет, а деревня и теперь

не идет своими воспоминаниями дальше трех поколений.

5. Психическая организация.

Человеческая личность творится под влиянием трех факторов: наследственности, среды и воспитания. Хотя основы нашего — Я, полученные по наследству, нас характеризуют, но навряд ли нужно доказывать, как часто условия нашего труда, профессии отзываются на физических и духовных наших особенностях, а это и значит влияние среды и условий работы посредством воспитания.

Действительно психологические свойства горожанина и селянина отличаются. Прежде всего интелектуально. Житель деревни не знает науки. У него есть знания обэмпирических фактах, но это знание не научное: явления и факты не об'ясняются причинно, они не классифицированы, зависимость между ними селянин понимает в очень малой степени. Поэтому его взгляд мифологичен, религиозен. Миром управляет не причинная связь, а чудо, дух, Бог. Сам человек ничто и ничем не управляет; он должен лишь приспособляться к чужой воле: Бога, духа, чорта; ему приходится прилаживаться, упрашивать, вымаливать. В своей работе селянин не знает ни формул математики, геометрии, механики, физики, химии, биологии, социологии, логики и т. д. Жизнь и работа селянина идут без приложений научного знания. Земледелие и скотоводство ведутся спокон веку на основе дедовских заветов, суеверий и предрассудков. Селянин и родится и выростает в атмосфере суеверия, которое для него играет роль реального мира. Ни к чему не прилагается доказательство, как единая основа положительного знания, а всюду орудует понятиями чуда, откровения, мифа, легенды, заговоры, молитвы, этот духовный мир его лишен науки.

За то горожанин: промышленник орудует сложной системой экономических и техническо-научных понятий; торговец, когда он поднялся выше физической работы, орудует сложными рассчитанными психологическими категориями. Мышление торговца, финансиста насквозь проникнуты спекулятивно абстрактными категориями. Деятель науки, администратор, торговец, его служащий, даже работник— все они познают природу социальных связей, причин и последствий, зависимость человека от человека, связанных продуктами труда.

Деревенская община, как организация, стоит изолированно от других общин; политическое управление в пределах общины отмечается узостью и примитивностью интересов и дел. Селянин природы своих связей с городом не знает, а город очень хорошо знает и управляет деревней. „Во всем мире города управляют деревнями и нигде наоборот“ — точный вывод науки. Социальной связи с человечеством за пределами деревни селянин не чувствует: город, государство, нация, даже уезд для него вещи темные и непонятные. Его чувства отмечены грубостью, неподвижностью, взрывчатостью, а чувство человеческого достоинства развито слабо. Селянин мог быть сотни лет крепостным рабом, а горожанин на это не годится. Вот почему все революционные движения зарождаются и процветают среди городского населения. Знание селянина ненаучно, а религиозно-мифологическое, чрезвычайно слабо своей социальностью, вытекая из работы возле земли и скота. Сложности людской общественной организации не представляет, ибо своими интересами редко выходит за деревню.

6. Политическая организация.

Город есть центр политической жизни целого общества. Город есть творцом решительно всех общественных идеалов. Село управляется одним старостой, как когда-то род старшим, что есть отображение главы семьи. Деревня живет примитивной демократией, пределы компетенции и интересов которой определяет город. Сложная система демократического правительства выработана городом, который создал государство не только из себя (города-государства древней Греции, Италии, Ганзейского Союза и т. д.), но государство, как замкнутую политическую единицу с огромным количеством сельских единиц вокруг себя. Город в этом пространстве есть центр, который дает закон и тип жизни всей округе. Город кровавой борьбой добыл себе автономию, местное самоуправление, город не склонился перед рабовладельцем, который владел людьми, как скотиной, только в деревне. Когда-же деревня восставала против владельца — эксплоататора, то она знала только как мотить — резать, жечь и разрушать, но совсем не знала, как организовать и управлять жизнью социального целого. Она была беспомощна в общественно-политическом строительстве. Деревня не имеет партий и не знает партийной жизни, так как она не знала власти и борьбы за власть, мотивов этой борьбы. Когда в 1917 году в России вспыхнула революция, многомиллионное крестьянство не приняло в ней участия со своими самостоятельными пожеланиями, с собственной организованной волей и, будучи в огромном большинстве, пошло за городом, за городским рабочим большевизмом. Покорность деревни перед городом — в этом разгадка и большевизму и революции. После, когда большевицкие издевательства над деревней перешли всякие границы и обнаружился обман крестьянства, деревня хотела было реагировать, но город кровью и железом подавил и покорил его своей воле.

Из изложенной природы города и деревни становится ясной могучая сила и неизмеримая роль города жизни народа и слабость и беспомощность деревни.

Мы, казаки, на своих землях на громадный процент представляем из себя провинциальное население — жителей хуторов и станиц, а те немногие казаки, которые затерялись как-то в городе, являются там низсшим общественным слоем. Следовательно, в системе распределения общественных функций казаки выполняют узкую и низсшую — земледелие, скотоводство и физический труд в различных областях, а чужие ведут культурную работу, т. е. имеют за собою все виды функций, относящиеся к высшей интеллектуальной области человеческой деятельности. Казаки — хутора, станицы, а чужие — города. А города управляют деревнями, эксплоатирют их при всяких обстоятельствах.

Следовательно, если мы политически освободимся из под власти другого народа, а города по прежнему оставим в руках иных народов, то наше освобождение мало что изменит в нашем положении, так как экономически и культурно порабощенная, оттиснутая на положение трудовых масс целая нация всегда будет об'ектом эксплоатации со стороны фактически господствующих т. е. горожан. Го-

род выполняет экономическую и культурную диктатуру над деревней. Если город находится в руках чуждых элементов, в руках других народностей, то вся огромная мощь города, вся неизмеримая его роль будет направлена во вред Казачеству.

Поэтому, если осуществление политической свободы и об'явление нашей государственной независимости является целью и задачей первого дня, то овладение собственными силами городами на казачьих землях, организация собственного городского общества, способного овладеть и управлять сложным городским механизмом, является важнейшей задачей второго дня.

Не презирать и не бежать из городов надо казакам, а идти в города, овладеть ими; силу и мощь городов обратить в свою пользу — вот насущная задача свободного Казачества. Без овладения городами добытая нами свобода будет половинчатой и соки наших труженников на ниве не будут идти в собственную национальную пользу.

Инж. В. Г. Глазковъ (ЧСР)

НОВАЯ СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Характерный для первой пятилетки стук молотков социалистической стройки сменился во второй пятилетке скрипом перьев, строчащих декреты об упорядочении диктатуры Сталина, ищущей новых основ и новых форм. После введения буржуазного галстука, иерархии военных чинов, ревизии учебников и абортов, пришла на очередь ревизия советской конституции.

Все эти „великие реформы" Сталина подготовляются и осуществляются в стране советов не в порядке установления подлинного демократизма, а в порядке заскорузлого бюрократизма сверху вниз. Сам проект новой конституции выработан в тайниках кремлевских комиссий, ныне одобрен ВКВКП (б) на июньском пленуме, что на практике советов предопределяет его единогласное „утверждение" на специально созываемом с'езде советов 26 ноября 1936 года.

Заграницей большевицкие пропагандисты, поклонники советов и политические перевертни из эмиграции, рассудку вопреки, пытаются доказать, что СССР становится цитаделью борьбы демократии против фашизма, а, между тем, проект новой советской конституции в основном вплотную, приближается к соответственным конституциям фашистских государств.

Иностранцы, а вместе с ними и советские патриоты из эмиграции, предавались самым бессмысленным фантазиям, ожидая от новой „конституции" перемены диктаторского режима в СССР. на нормальный. И как они мило ошибаются, ибо по советской конституции СССР по прежнему остается „социалистическим государством рабочих и крестьян", т. е. государством исключительно классовым, где по прежнему будет практиковаться диктатура пролетариата, замаскированная легким покрывалом демократии.

Многие склонны видеть в советской конституции некоторую эволюцию ком-власти. Для человека, который следит за советской жизнью и знает все сдвиги, извороты и уклоны сов. власти, в проекте этой советской конституции почти ничего нет нового. Прежде всего, советская конституция не нова и не первая. Первая советская конституция РСФСР. была принята большевиками 10 июля 1918 года. Она ежегодно дополнялась и изменялась. Вторая конституция всего СССР была принята в 1923 году. Она также, подобно первой, продолжала изменяться и пополняться, а **сущность коммунистической диктатуры при этом оставалась неизменной.** Так и теперь — по существу вся власть продолжает оставаться в руках компартии, вернее — ее верхушки.

Новая советская конституция не приносит по существу ничего нового. Некоторая демократическая шелуха, кое-где проскальзывающая, стерта полным ограничением, что правящей партией является компартия, и что единственно она призвана к политическому управлению народом и страной. Эта конституция суммирует обе до-теперешние, вообще сохраняя организацию советов, которая вытекает из прежних опытов времен военного коммунизма и развития двух пятилеток. Изменяются названия главных государственных институций и точнее очерчиваются рамки их действий.

Наивысшим законодательным органом СССР, согласно проекта, является Верховный Совет, состоящий из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей. В первый избираются делегаты по избирательным округам по расчету 1 делегат от 300,000 избирателей; во второй делегируют своих представителей, верховные советы отдельных республик и автономных нац. областей по расчету — союзные республики по 10 делегатов, автономные республики по 5 и автономные области по 3. Верхушка верховного Совета называется Президиумом его. Он состоит из 27 человек и имеет весьма широкие полномочия. Необходимо заметить, что до-теперешняя многостепенная избирательная система заменяется территориальною и привиллегированное положение рабочих, которые раньше посылали одного делегата от 2000, ныне уничтожается, вводится бумажная уравниловка выборщиков.

Буйный, голый оптимизм иностранцев и многих эмигрантов принимает все написанное в проекте новой конституции за действительность, за чистую монету. Они в восторге от всеобщего прямого и тайного голосования, забывая, однако, что голосование будет проходить с запретом для всех партий, кроме казенной (коммунистической).

Кроме того, право выборов в действительности не является полной даже и на бумаге: каждый гражданин от 18-ти летнего возраста имеет право избирать и быть избранным, но не каждый гражданин имеет право выставлять кандидатов. Это право оставлено на долю исключительно коммунистической партии.

В своем интервью с иностранными журналистами Сталин заявил, что право голоса будет бичем в руках избирателей к чистке недостатков советского аппарата и для устранения несоответствующих. Но вопрос в том — в какой степени это удастся. Выборные представители будут пользоваться правом личной неприкосновенности за свою полит. деятельность, но в то же время **каждый делегат может быть в любое время отозван своими выборщиками.** На первый взгляд этот пункт представляется сугубо демократическим, но на самом деле он служит гарантией того, что едва-ли кто из делегатов будет противоречить ком. власти, так как этим он ставил бы себя под угрозу быть „отозванным", потерять право личной неприкосновенности и потом быть преследуемым. Естественно, такое положение будет отбивать охоту у делегата проводить мнения, которые бы шли в разрез с интересами правящей партии.

К тому же, согласно ст. 141 право выставлять кандидатов предоставлено исключительно компартии, а та, конечно, будет выставлять только своих партийцев, пропускал их при этом через весьма густое сито, а если в ком и ошибется, то она имеет право в любое время его отозвать.

Кроме того, статья 126 говорит: „Наиболее сознательные и энергичные граждане об'единяются в коммунистической партии". По смыслу этой статьи получается — кто выставлял бы кандидатов не от коммунистич. партии, выставлял бы его, значит, не из числа наиболее сознательных и энергичных!... В конечном счете получается, что фактически кандидатов в высший орган гос. управления выставляет само коммунистическое правительство.

Приблизительно также обстоит дело о „свободе" печати, собраний и др., так называемых, основных гражданских правах. Эти права гарантированы тем, что трудящимся и их организациям предоставляются типографии, бумаги, общественные здания, средства передвижения, и другие материальные условия к пользованию этими правами, предоставленными конституцией.

Все это логично поскольку государство является хозяином всех этих средств, а так как правящей партией в стране является только одна компартия, то естественно, что и типографии, и бумаги и все прочее будет предоставляться опять таки только тому, кто будет поддерживать мероприятия правительства и популяризовать его „творчество".

Как можно видеть, все эти свободы весьма условны и даже призрачны для советских граждан и отнюдь нельзя сравнивать понятия советских „свобод" с понятиями нормальной демократической свободы.

В вопросе имущественных прав новая конституция идет так далеко, „как далеко" шел до-теперешний гражданский закон и сделанные в прошлом году изменения в связи с введением сталинского устава о колхозах. В этой области „новый" проект конституции не приносит ничего нового, кроме утверждения

сегодняшней советской действительности. Сталин заявил, что в СССР нет классов, а в конституции устанавливается 3 вида собственности: государственная, колективная и индивидуальная, т. е. констатируется наличие социального и имущественного неравенства, не говоря уже о неравенстве политическом.

Конституция имеет и статьи о социальных взаимоотношениях граждан. Необходимо подчеркнуть право на работу, однако, право это поставлено, согласно статьи 118, в зависимость от количества и качества работы. Во времена военного коммунизма, когда власть сказала: каждому согласно его нуждам", а ныне, согласно ст. 12, выходит: „каждому по его способностям, каждому по количеству и качеству его работы"- Отсюда можно понять и тот социальный сдвиг, который произошел в СССР.

Тут же говорится о праве рабочего на платный отпуск, о больничном страховании, о медицинской помощи, о праве на обучение, об охране матерей, о детских яслях и т. д. Все это лишний раз демонстрирует перед миром в каких чудовищно ненормальных условиях жили все это время рабочие в СССР., когда только-только начинают проектировать, как достижение, те положения, какие на Западе являются нормальными и обычными правами, о которых не считают нужным упоминать в основных законах, каким является гос. конституция, ибо настолько эти права сами собою разумеются.

В проекте новой конституции не говорится об организации административной юстиции и об ответственности должностных лиц. Это обстоятельство лишний раз внушает опасения, что провозглашенные „права" не содержат достаточно гарантий того, что они могут быть серьезно проводимы и практикуемы в жизни. Для обеспечения этих прав нужно дать в руки гражданина орудие легальной борьбы с произволом, который так пышно процветал на протяжении 18. лет советской власти. От возможности этого административного произвола ком. власть не отказалась, и конституция от него не ограждает.

Мы говорим, что центр тяжести правовых возможностей граждан лежит не в конституции, а в режиме т. е. в применении писаного закона в жизни. Нельзя забывать, что и в ленинской конституции 1918 года почти все нынешние „свободы" были уже даны и во что обратились провозглашенные свободы в действительности.

Все слова о свободе и теперь, как и 18 лет назад, останутся на бумаге. Много великих слов и человеческих ценностей осквернено большевиками, которые ныне подтасовкой фактов и правды стремятся обмануть население СССР и поймать на свою удочку наивных иностранцев. Последнее им может и удастся, гораздо труднее обмануть уже не раз обманутое население. А в грядущих международных событиях, которые главным образом и толкнули большевиков на „конституцию", судьбу советской власти решит именно это население.

Прага, 17. VI. 1936.

Шамба Балинов (Франция)

СЛОВО ПРИНАДЛЕЖИТ ЧЛЕНАМ КРУГА

В мире происходит огромной важности политический процесс. Темп его замедленный, но направление — неизменное. Происходит процесс деления мира на два лагеря — лагерь интернациональный и лагерь национальный. „Буря на Востоке" — говорят одни. „Гроза на Западе" — вторят другие. И в той и в другой части света активно действующей стороной является СССР, руководимый большевиками. Вернее, причиной деления мира на два враждебных лагеря являются именно большевики, повсюду постоянно всеми мерами и средствами поджигающие „мировой пожар".

Не надо быть пророком, не надо быть даже политиком, чтобы видеть то, что сейчас происходит в мире. Все ясно можно видеть простым глазом. Буря назревает. Схватка может скоро случиться. Также не надо быть особенно наблюдательным человеком, чтобы знать, что в результате этой грядущей схватки, карта мира будет снова перекроена, судьбы многих народов будут определены на долгое время.

Так или иначе, разрешится и судьба нашего родного Казачества, пятнадцать лет жестоко уничтожавшегося большевиками, а ныне лицемерно расхваливаемого теми же красными большевиками, готовящими из казаков „пушечное мясо" в предстоящей схватке со всем миром!

К этой схватке, так или иначе, готовятся все, желая ее использовать в своих интересах. Готовится-ли Казачество, готовимся-ли мы? . . .

Разумеется, трудно вести подготовительную работу подсоветским казакам, трудно им, находящимся под бдительным оком чекистов, под угрозой жестокого террора, вести какую-либо работу идеологического характера. Но нет никакого сомнения, что все они „там" охвачены своим особым казачьим „чувством", духовно едины, об'единяют свои силы хотя бы под видом тех же самых „ворошиловских всадников", что так рекламируют сейчас большевики.

Не легко вести работу и казакам эмиграции в условиях разбросанности и материальной нищеты, но у них одно преимущество: они свободны и могут открыто выявлять свое казачье лицо и проявлять творческую инициативу. Выполняют ли они свой непременный долг перед Казачеством — находясь в свободных условиях жизни, говорят ли о страданиях и трагедии Казачества? Об'единяются ли они в одну мощную организацию, собирают-ли, готовят-ли они свои силы для предстоящей неизбежной борьбы за свободу и лучшее будущее Казачества? . . .

Для ясности, с'узим вопрос еще больше — будем говорить об отдельном Войске, ибо об'единение и подготовка сил легче всего делать на почве более близкой, по методу более привычному, по линии исторических традиций и обычаев, т. е. по войсковому признаку. А так как наиболее значительным, наиболее старым является Всевеликое Войско Донское, то будем говорить именно о нем.

Итак, об'единяют-ли свои силы донцы в эмиграции? Ведут-ли они **общую** координированную подготовительную работу? Создают-ли они общую мощную организацию в предвидении грядущих судьбоносных событий?

К сожалению, приходится на эти вопросы ответить отрицательно.

Правда, есть организации, поставившие себе ясную казачью политическую цель, неустанно говорящие о праве Казачества, об его страданиях, борющиеся за его освобождение и независимость. Это, прежде всего, союз Казаков-националистов, Лига Возрождения Казачества. Но эти организации охватывают только часть казачьей эмиграции, при том носят характер общеказачий. Собственно Донской сильной и мощной организации нет и, к сожалению, не предвидится.

Этим, очевидно, об'ясняется та тревога, какую проявляет, так называемая, казачья масса по поводу нерадостного положения казаков в эмиграции. Перед мною много писем этих „рядовых казаков", присланных из разных стран, из глухих провинций,

из шахт и фабрик, где коротают свои беспросветные дни огромное большинство казаков. Во всех них разными словами, в разной форме высказывается одна мысль: Что делать?! Какой выход?!...

Тревога этих казаков вполне понятна. На казачьем фронте эмиграции мы наблюдаем картину очень грустную.

Прошедшие „выборы" Атамана, на короткий миг всколыхнули казаков, вселив в их душу маленькую надежду на „движение воды". Но последовавшая „работа" „Провозглашенного" моментально убила эту кратковременную искорку надежды и ввергла многих в пучину отчаяния. Поэтому они так настойчиво задают себе вопрос: Что делать?

Каждый казак, пребывающий в здравом уме и твердой памяти, отлично понимает, что предстоящая нам задача огромна и ответственна. А всякое серьезное дело можно делать только тогда, когда имеешь прямую и ясную цель, обдуманный план работы, хороший кадр работников, энергичных, готовых идти на всякие жертвы, вплоть до смерти, во имя Казачества.

Между тем, что делается г. „Провозглашенным"? Всё, кроме серьезной и обдуманной работы по подготовке сил донцов для предстоящей борьбы. Больше того: каждое его действие отдает злой насмешкой над всеми Законами, традициями и обычаями ВВД.

Первым своим официальным актом („Вр. Положение обуправлении Донскими казаками заграницей") он окончательно уничтожил Основные Законы ВВД, выполнять кои мы обязались перед Богом и Доном. Затем, создает в истории Дона не имевшее место какое-то непонятное „Донское Представительство" при... Донском Атамане, которое будет призвано к работе, если заболеет Граббе. Учреждает, тоже в истории Дона неизвестный, „Совет Станичных и хуторских Атаманов", который будет призван к работе, если... умрет Граббе...

Отсюда — естественное разочарование и уныние прежних сторонников Граббе. Отсюда же — и брожение умов и поиски какого-то выхода из создавшегося (или нарочно создаваемого кое-кем) скверного и жалкого положения.

А раз тревога охватывает даже во многом инертную массу, то, очевидно, положение, действительно скверное. Долг тех, кто стоит ближе к политике, кто имеет возможность внимательно следить за всем происходящим, как во вне, так и внутри казачьей среды, придти на помощь тем, кто этой возможности не имеет, попытаться найти те пути и формы, кои могут улучшить положение.

Прежде всего надо выяснить — какие конкретные, неотложные и важные задачи стоят перед казаками, в частности, перед донцами? Этих главных задач две:

а) хорошая, разумная и стройная организация всей эмиграции, что дало бы возможность: улучшить условия жизни казаков в эмиграции вообще, организовать более действительную помощь нашим инвалидам, старикам, больным, учащейся нашей молодежи, детям, сиротам и т. д.

б) основательный, разумный план работы для организации и об'единения собственной силы, чтобы в нужный момент броситься на освобождение своих Родных Краев с открытыми глазами, с максимальной энергией.

Эти задачи хорошо поняты казаками-националистами и они, в меру своих сил, действуют в этом направлении. Но, как я уже выше сказал, и Союз Казаков-Националистов (журнал „Казакия"), так и Вольное Казачество (журнал „ВК") и Лига Возрождения Казачества (журнал „Дневник Казака") скорее носят партийно-политический характер, ибо все они главное ударение делают на политическо-идеологическую сторону. В силу своей ярко выраженной определенной политической физиономии, эти организации не могут об'единить всех казаков-эмигрантов, да они такой задачи себе и не ставят. Главной своей задачей они поставили политическо-идеологическую пропаганду, что с большим успехом делают.

„Казачество всегда было едино в своей основе, но Казачество всегда разделялось по житейской необходимости. Единение Казачества — то, без чего не сможет с надлежащей силой проявить свою волю к жизни — необходимо, но **организационное разделение неизбежно** — без него мы не сможем водворить порядок в наших рядах". Такая, правильная в своей основе, мысль высказывается в „Дневнике Казака" (майский номер).

С некоторым приближением к истине можно утверждать, что существующие, мною выше перечисленные, казачьи политические организации есть **организационное разделение во имя об'единения.**

Во всяком случае, бесспорный факт: отдельные, активно действующие политические организации в казачьей эмиграции есть, но нет всеобщего об'единения.

Тут уместно поставить вопрос: возможно-ли вообще такое всеобщее об'единение казаков?

Если кажется спорным вопрос о всеобщем об'единении казаков всех европейских Войск, то не может быть никакого спора, что общее об'единение казаков отдельного Войска возможно, в частности, об'единение Донцов.

Что для этого нужно?

Нужно: а) чтобы все генералы от армии и политики осовободились от своей гордыни, честолюбия, необоснованного авторитета;

б) чтобы все Донцы вспомнили о своей присяге-клятве, данной перед Богом и свято ее соблюдали;

в) чтобы все они честно и нелицемерно признали и посильно отстаивали высший закон Дона — Донскую Конституцию.

Немножко обидно и больно, что приходится писать о таких элементарных вещах, как быть верным своей присяге, обязательном долге всякого порядочного человека, или о верности своим государственным законам — непременном долге всякого сознательного гражданина. Но что делать? Писать приходится, потому что находятся „добродетели", постоянно пытающиеся с „юридической точки зрения" обосновать отрицание Основных Законов ВВД, или доказать, что присяга наша была шутка, только форма, а в душе мы были верны России. Нужно обо всем этом писать еще потому, что люди, доказывающие „несостоятельность" Основных Законов ВВД, о неважности нашей присяги, тем самым сознательно ослабляют казачью силу, умышленно сеют раз'единение казаков.

Когда казаки поймут незыблемость Основных Законов ВВД, жизненность идей и мыслей, выраженных в Донской конституции, тогда будет найдена почва для об'единения, всех Донцов, будет найден путь, по которому все могут дружно пойти во имя общей и святой для всех цели — **во имя восстановления того, что имел Дон в недавнем прошлом.**

Ибо Основные Законы Всевеликого Войска Донского есть вся сущность бытия Донского Казачества и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. В них вылилась воля народа казачьего, его вековечные чаяния и стремления. Эти наши Законы — нерушимая истина, так отчетливо выраженная, на бумаге занесенная подлинными представителями Дона, лучшими сынами Казачества. Потому именно смехотворны и жалки потуги некоторых „хороших" господ — ослабить, анулировать эти наши Законы!

Потому, об'единяющей всех Донцов идеей, направляющим всех маяком были и остаются эти Основные Законы ВВД. Только они способны всех сблизить, всех об'единить.

Все поиски иной почвы, иной „платформы" есть, в лучшем случае, чудачество одних, преступная игра на разложение казаков других.

Для ограждения чести Дона, для восстановления его подлинного государственно-политического образа прежде всего необходимо положить предел кавалерийским налетам разных „джигитов" от политики на Донскую Конституцию. Необходимо воссоздать эмигрантское Донское Казачество в том виде, как оно вышло сюда, в эмиграцию: Круг, Атаман, Правительство, Законы, твердо сохранившиеся бытовые начала, особый порядок жизни, словом, государство с законченной формой организации.

Кто может с большим успехом проделать эту ответственную и огромной важности работу?

Конечно, лучше всего это может сделать Круг, в свое время эти наши Законы создававший, наше государство укреплявший. Круг в свое время был действительным выразителем воли здоровой части населения наших Краев. Донской Круг есть суверенный хозяин Донской Земли; он — соль бытия казачьей государственности; он — душа и сердце жизни Казачества; он — голова и воля, разум и сердце казаков; и в нем — альфа и омега нашего возрождения!

Словом, общественно-политическая жизнь казачьей эмиграции должна вернуться к начальному положению, к тому моменту, когда тогдашние наши официальные руководители (Атаман и Правительство), по корыстным мотивам (материальные и карьерные интересы!), сознательно нарушили наши Законы, пошли по пути незаконному, уничтожили ту духовную базу, опираясь на которую только и можно было сохранить Донцов в организованном состоянии.

Иначе говоря, должен быть призван к работе старый Донской Круг, который, руководствуясь нашими Основными Законами, должен восстановить первоначальный государственный характер казачьей эмиграции, создать общий государственный аппарат, что даст возможность об'единить казаков, организовать их жизнь здесь, создать благоприятную обстановку для накопления и подготовки сил для предстоящей освободительной борьбы.

Только законный и авторитетный Круг, это подлинное представительное собрание, и избранная им законная исполнительная власть могут наладить нужные связи с серьезными факторами мира, что даст возможность: облегчить участь казаков, в эмиграции, готовить наши силы для будущей борьбы, т. е. выполнить те две основные и главные наши задачи, о которых я выше говорил.

Итак, идея, могущая всех об'единить — Донская Конституция.

Путь об'единения — восстановление и призвание к работе старого Донского Круга.

Если кто скажет, что Конституция никого не об'единить, то он просто не желает об'единения казаков.

Могут возразить, что: 1) срок полномочия членов Круга истек, 2) члены Круга, ныне здравствующие, уже не выражают волю казаков; нет кворума; 4) нет средств для созыва Круга; 5) все они разбросаны по разным странам, нельзя их собрать (вопрос о визе) и т. д. и т. п.

Во всем этом будет доля истины, но не вся истина. Нет сомнения, созвать Круг будет не легко. Но когда все будут воодушевлены одной идеей, когда все будут стремиться к одному, тогда не может быть таких препятствий, кои невозможно было бы преодолеть.

Во всяком случае, в прошлом не эти, мотивы, и тогда выдвигавшиеся, были главной причиной разгона Круга. Тогда и кворум был, и члены Круга были вместе, и Донская казна была полна полноценной валютой. И все таки Круг разогнали и пошли по пути явно незаконному, откуда проистекли все главные сегодняшние беды казаков в эмиграции.

Причины были политические и, если хотите, „экономические" для некоторых. Русские „вожди" ненавидели этого казачьего „кружения", как они презрительно назвали Круг; казачьи официальные руководители хотели избавиться от контроля над собой и желали играть роль пожизненных вождей, а сам Круг не проявил достаточной воли и настойчивости, чтобы отстоять свое право.

Казачество представляет немаловажный фактор в международной политической жизни. Им интересовались и интересуются. Если эти естественные интересы сильных мира сего не использованы до сих пор, то в этом виноваты только сами казаки.

Надо помнить, что в самом начале нашей эмиграции, когда еще и Круг был, представитель Круга вел переговоры с консорциумом американских банков об оказании помощи казакам. Переговоры были успешно завершены, консорциум открывал многомиллионный кредит для казачьего дела, поставив единственным условием, что договор был подписан только с Донским Кругом, а не справительством. Но именно наши „вожди", больше занимавшиеся самообслуживанием, провалили это дело, тем самым ввергли казаков в бездну страдания.

Но эти страдания должны быть облегчены, а облегчить их можно путем сложения сил, путем искреннего стремления к об'единению, о чем так много и часто стали говорить особенно в последнее время. Каждый в своем кутке „слезы горькие" льет по поводу существующего среди казаков разлада. Именно по этому поводу откликаются казаки из самых различных уголков света.

На это мы, казаки-националисты, совершенно искренно отвечаем: да, надо всем об'единяться, надо создавать единый казачий фронт, путем установления тесного делового контакта, атмосферу приязни, содружества, путем создания общего, надпартийного, государственного характера руководящего аппарата.

Атмосферу приязни может создать честное, открытое признание незыблемости, святости Донской Конституции и авторитета Дон. Круга.

А создание законного надпартийного государственного характера аппарата возможно только путем привлечения к работе Круга, как законного верховного органа.

Если возникнет вопрос, что Круг не точно выражает настроение казаков в эмиграции, то этот пробел можно легко восполнить путем привлечения к работам Круга, как полноправных его членов, представителей эмигрантских организаций, доказавших свою жизненность. **Разумеется, в этот Круг должны войти, представители казачьей прессы — газет и журналов, существующих, скажем, не менее двух лет, тем самым доказавших свою жизненность.** Ибо казачьи эмигрантские журналы не есть профессиональная пресса, а исключительно общественно-политическое явление, пользующееся доверием и выражающее мнение широкого круга казаков.

Таким образом, все живые члены старого Круга, представители существующих организаций и прессы, могут составить авторитетный и законный Донской Круг, который с успехом сможет проделать все нужные важные работы по организации сил Казачества.

Возникнет вопрос: члены Круга живут в разных странах, что нельзя будет достать визы, нельзя с'ехаться в одну страну, у членов круга нет средств на поездку к месту заседания Круга и т. д.

Но если все дружно возьмутся за работу, если все осознают эту необходимость во имя Казачества, то и эти трудности возможно будет преодолеть.

Мы полагаем, что члены Круга — не рядовые казаки. Они ответственные представители народа и должны сознавать необходимость жертвы во имя исполнения своего долга Нет сомнения, что огромное большинство членов Круга этот свой долг сознают, пойдут и понесут необходимую материальную жертву и приедут на Круг на свои средства. Организации-же, посылающие на Круг своего представителя, надо полагать, сумеют также снабдить своего представителя дорожными средствами во имя общего дела.

Таким образом, мне кажется, если будет поставлена серьезная цель, если повести нужную кампанию во имя общего и большого дела, то материальную сторону дела сами члены круга постараются преодолеть.

Остается один вопрос — вопрос о визе. Но это такой вопрос, к разрешению которого можно приступить тогда, когда сама цель будет всеми признана, когда выяснится необходимость созыва такого Круга. Тогда прежде всего надо будет выяснить где, в какой стране живут члены Круга, какие организации пожелают прислать своего представителя и, выяснив количество членов будущего Круга, можно будет приступить к хлопотам о визе. Думается, что и этот вопрос будет общими силами благополучно разрешен.

Только надо приступить к работе. Надо, чтобы сами члены, все без исключения, как можно подробно и ясно высказались по этому вопросу и дали бы о себе сведения.

Довольно молчания! Настало время, господа члены Круга, чтобы вы исправили свои прошлые ошибки и в ответственный час выполнили свой долг народных представителей.

Если и на этот раз вы ничего не сделаете, также, как раньше, промолчите, то тогда остается сделать только один вывод: вы не были достойными народными представителями, вы только в смутное время пользовались всеми правами депутата, но о долге своем перед народом не имели представления.

О вашем долге перед Казачеством напоминаем вам мы, самостийники, имеющие свою ясную и определенную политическую цель, выходящая, б. м., за пределы нашей Конституции, как логическое и целесообразное развитие идей и мыслей, в ней выраженных.

Наша работа ни в какой мере не противоречит парламентской работе Донского Круга. Если возрожденный Круг признает незыблемость Донской Конституции, если он пойдет по ясно начертанному нашими Основными Законами пути, мы, самостийники, всеми имеющимися у нас средствами и силами, будем поддерживать и возвышать авторитет этого Круга.

В годину безвластья в час ответственный, в периодв сяких импровизаций разных безответственных „благодетелей" Казачества, перед лицом грядущих грозных событий, вы, члены Круга, обязаны проявить инициативу, показать пример умелой защиты наших Законов, достойного служения своему народу.

За вами слово, члены Круга! Мы ждем!

Страницы нашей прессы в вашем распоряжении.

Париж, 2 июня 1936 года.

---

1. Ввиду поступающих запросов и наблюдающейся путаницы, Центральное Правление Казаков Националистов извещает все вольно-казачьи организации, что флаг Казакии таков: Голубое полотнище, в верхнем углу от древка, на площади одной четверти голубой основы, расположены три равных полоски — малиновая, желтая и зеленая. Голубое поле — это основной цвет всего Казачества и старейшего войска Донского. Три полосы на нем — это национальные цвета запорожцев, калмыков и горцев. Во всех официальных и торжественных случаях вольно-казачьи организации должны пользоваться этим именно флагом.

2. Каждый организованный казачий националист обязан иметь отличительный бортовой значек, который можно получить через посредство местного Окружного Правления, находящегося в сотрудничестве с Центральным Правлением. (Слово „организованный" означает, что данное лицо состоит в вольно-казачьей организации и признает в отношении себя зависимость от Центр. Правления, работающего на основе Внутреннего Положения).

3. Для скрепления официальных бумаг, исходящих от органов управления вольно-казачьих организаций, должна быть употребляема такая печать: Круг ;между двумя линиями по внешнему краю круга-название данной организации; посредие круга — булава.

4. Флаг, бортовой значек и печать были приняты на с'езде 24—25 августа 1935 года. Центр. Правление настаивает на соблюдении этих решений.

ЦП. ВК. — КН.

ДОНСКОЙ АРХИВЪ

А. Н. Трофимов (Франция)

СТЕПАН ТИМОФЕЕВИЧ РАЗИН

(Продолжение)

Дон и его взаимоотношения с Москвой

Говоря о Доне тех времен, я не хочу касаться ни вопроса возникновения Донского Войска, ни процесса образования его народонаселения. Всякий интересующийся этим имеет полную возможность проследить это по новейшим историческим исследованиям. В мою же задачу это не входит. Считаю только необходимым сказать, что донцы, эти вольные сыны широких, покрытых ковылем степей; эти гордые рыцари в боях с врагами за честь отчизны, за казачье имя, за веру православную, за свой милый Тихий Дон; эти удалые моряки, наводившие страх на басурман своими лихими набегами; эти создатели, последователи и защитники строго демократического уклада общественно-государственной жизни, всегда и перед всеми твердо стояли за Независимость своего государства.

„Войско Донское, по определению проф. Сватикова, представляло из себя в XVI—XVII веке военно-демократическую республику. Эта республика была особым, отдельным от московского царства, государством, имея свою территорию, свой народ и свою власть". „Суверенная верховная власть в Донской республике принадлежала общему народному собранию, носившему название Круга и Войскового Круга" (Сватиков).

Все это было следствием того, что казаки были прирожденными республиканцами. Каждая отдельная группа казаков, для какой бы цели она ни об'единялась, решала все дела сообща в Круге" (Сватиков). Собирались ли они рыбу ловить, или соль добывать, отвозить товары на продажу, собирались ли праздник справлять, или шли на занятие нового „юрта" под станицу, отправляли посольство в Москву или к другим соседям—народам, всегда казаки выбирали на Кругу атамана, как начальника и есаула, как его помощника.

В военное же время, для борьбы с врагами, выбирали еще и полковников, сотников и есаулов. Ни один из них не был назначаем кем либо. Все всегда — избранные. Все они, по окончании срока своих полномочий, становились снова рядовыми казаками, пользуясь почетом и уважением соответственно проявленных ими заслуг перед Войском. Над всеми стоял Войсковой Круг, постановления которого были обязательны для всех жителей Донского Войска, независимо от того — всех или части станиц были там представители, выносящие какое-либо решение. Его постановления были законом для всех донских казаков, где бы они в этот момент ни находились. Войсковой Круг пользовался таким авторитетом среди казаков, что он в своих решениях охватывал все области современной ему жизни на Дону.

Сватиков по этому поводу говорит: „Войсковой Круг решал все дела, касавшиеся Донской Республики: об'явление войны и заключение мира; посылку вспомогательных войск на службу царю, прием послов, отправление послов и грамот окрестным народам и в Москву; все церковные и монастырские дела; выборы всей войсковой администрации и смену ее, прием в казаки и исключение из казачества; выдачу полномочий („войсковых проезжих грамот"). Круг разрешал станицам заем новых юртов на территории войска и основание новых городков; он же выдавал соответственные грамоты и решал земельные вопросы. Круг судил все преступления против Войска и главнейшие уголовные преступления, назначал наказания. Наконец, Круг распределял царское жалованье" (Сватиков).

Этот демократический строй казачий не давал покоя царям Московии и особенно боярам. У них не укладывалось в голове, что можно быть всем „лучшим" и всем равным; жить дружно, иметь строгую дисциплину, и не иметь в своей среде бояр и бесправных крестьян. Дон беспокоил Москву гораздо больше, чем когда-то вольные Новгород и Псков. Московское государство, — несмотря на то, что Донское Войско вело совершенно независимо дипломатические переговоры с соседними народами, само об'являло войну и заключало мир, — не хотело все же признавать официально за ним этого права. Не признавало, но и мешать не имело возможности.

Такие отношения между Доном и Москвою продолжались до 1614 года, когда в силу всевозможных передряг Смутного времени, Московское государство было настолько ослаблено, что его правительство нашло возможным признать Дон государством, а не общиной казачьей, закрепив этот акт фактом передачи дел сношения Москвы с Доном из Разряда в Посольский Приказ, по современному — в министерство иностранных дел.

Но каково бы ни было государственно-политическое устройство Дона, каково бы ни было оффициальное отношение к нему Москвы — смотрела ли она на него как на общину казачью, признавала ли государством, — но еще с дальних времен Донское войско не давало покою боярской, а затем и боярско-крепостнической Москве. Цари московские, в своем стремлении расширить площадь своего государства, не сводили глаз с Донских степей; кроме того, ими владела мысль приблизиться к морским берегам и, самое главное, что их беспокоило — это тот демократический строй, что царил у казаков. Этот строй казачий был как бы бельмом в глазу у Москвы, постоянно причиняя беспокойство. Оно особенно ярко выразилось в конце XVI и особенно в первой и, отчасти, второй половины XVII века, т. е. в тот период времени, который интересен для нас в данном случае.

Тогда как в основе Московского царства были: самодержавный, не отвечающий перед народом царь, за ним „царские слуги, бояре и воеводы и раболепные перед своими", но заносчивые, деспотические, самодурствующие перед ниже себя стоящими; а под ним, составляя основу и опору своих господ-бесправное, нищее, рабское крестьянство на положении домашнего животного... царство лести, пресмыкания и рабства". На Дону в то же самое время — свобода, равенство и братство под покровом независимого их Отечества.

И „млела" Москва с ее алчным боярством. Мысль о Доне навевала вельможам радужные мечты... И земли там богаты, рыбные реки, выход в море — путь к торговле с Западом. Есть к чему стремиться, есть чем поживиться, есть над чем развернуть свою „широкую" русскую натуру. Бояр посадить им, чтобы спеси посбавить с казаков; воевод водворить для... уважения Москвы, приказных для страху, а там..., глядишь, эти храбрые вояки-донцы будут служить нам уже не по „Войсковому Присуду", а по нашему, Московскому, приказу.

Не у одного правителя России копошились эти думки в голове. Больными были также и бояре, которые страдали этой немощью, как будто больше всех. Но вся беда в том, что ведь это были не русские крестьяне, а казаки. Надо быть сугубо осторожным, хитрым, а порой и ласковым с ними. Ведь цель — взять их под свою высокую руку и, взяв, раздавить их вольность, вытравить из души всякое понятие е праве и свободе. И Москва „тихой сапой", как говорят, начала подбираться к Дону, его демократизму и Независимости.

До поры до времени она встречала у себя донские посольства — „Зимовые станицы" — наравне с другими иностранными послами. Очень радушно их принимала, богато одаряла. Словом, вела себя так, что и сомнееия быть не могло в отсутствии „дружеских" отношений.

Но, попутно с этим, под предлогом государственной необходимости, Московское царство, когда-то так далеко отстоявшее на север от границ Дона, начинает постепенно приближаться. Это стремление особенно ярко проявляется в конце XVI и в начале XVII веков, т. е. незадолго до появления на свет Степана Разина, в царствование Бориса Годунова, когда Москва усиленно начинает продвигаться на юг.

Борис Годунов, будучи еще только правителем, проявлял определенную неприязнь к Дону. Он, как правитель, безусловно был в курсе сношений Москвы с Доном. Нет сомнения, что знал также и о форме писания к ним грамот, где в начале упоминается имя атаманов, затем низовых и потом уже верховых казаков. Зная также прекрасно, как ревниво-бережно донцы относятся ко всему, временем и бытом освященному, порядку у себя на Дону, захотел, как умный и довольно дальновидный государственный человек, бросить искру раздора в среду казаков, играя на чувстве обиды одних, на самолюбии других, т. е. прибег к излюбленному приему русских вождей всех времен в отношении соседних народов — „разделяй и властвуй".

И вот, в 1592 году от имени царя посылается на Дон грамота с таким заголовком: „От царя и великого князя Феодора Иоановича всея Руси, на Дон, донским атаманам верховым и низовым, Степану Ершову и всем атаманам и казакам верховым и низовым" . . . Буря разгоревшихся страстей в первую минуту по прочтении, вероятно, наполнило радостью сердце царского посла, что так легко и так просто можно внести разлад в среду этих мужественных, храбрых, не боящихся смерти людей.

Но . . . это была лишь минута возмущения. Ошибся царь, обманулся посол. Как низовые, так и верховые казаки, кричали,

как оказалось потом, не только потому, что царь позволил себе к низовым обратиться после верховых. Их всех вместе еще более возмутило и то, что эта грамота не называет их родных атаманов поименно, как это было раньше, а просто пишется: „Донским атаманам“ и только. Это пренебрежение к их выборным лицам не раз'единило донцов, как ждали там на севере, а наоборот — еще больше спаяло и они, не взирая на все оправдательные доводы посла, заявили горячий протест за такое некорректное обращение к Войску и его атаманам, и этим как бы указало составителям грамоты в Москве — „в чужой, де, монастырь со своим уставом не суйся!“ . . .

„Прежде сего государь писывал к нам грамоты низовым атаманам лутчим имяны и всем атаманам и казакам низовым и верховым, а ныне?“. . . Попытку внести рознь, упоминая верховых ранее низовых, приняли как личную обиду. В самом деле, как бы рассуждали они, ну как же можно так писать, как им там в Москве не стыдно. Ведь тут у нас и наша столица — Раздоры; здесь, на низу наши прапрадеды начинали славное Войско Донское, здесь мы все собираемся со своими атаманами на Круг Войсковой, чтобы думушку думать казачью, а они . . . ишь что вздумали!

(Столицами Дона последовательно бывали следующие города: Раздоры до 1622 г. Монастырский-Городок — с 1622 по 1637-й г. Азов — 1637 по 1642 г. Монаст. Городок — с 1642 по 1645 г. Черкасск с 1645 по 1805 г. Новочеркасск основан Матв. Платовым в 1805 году).

А в Москве Борис тоже потихоньку да помаленьку, но упорно думал. что Дон, таки, надо прибрать к рукам. Авось, может быть. Послу Нащокину, привезшему эту грамоту, которому, кстати, надо было проехать и в Турцию, поручается проведение такой тактики обращения с казаками: одарив вначале донцов, потребовать от них выдачи туркам их пленных без выкупа. чего никогда раньше не бывало на Дону. Выдавши пленных, они бы его сопроводили к туркам, а сами бы остались под командой боярина — „были бы с сыном боярским, с Петром Хрущовым на Дону в Раздорех, где пригоже“.

Так что здесь, как видим, преследовалась возможность обращения донцов в служилое сословие, приняв к себе „голову“ — Петра Хрущова. Но прежде всего и попытка превратить вольных, ни от кого независимых людей, в служилых была довольно дерзкой по тем временам со стороны Бориса Годунова. Еще более недостойно было поведение царского, посла на Дону. На Круг к казакам он не шел, грамоты царской не пред'являл. Неоднократно, вместо этого, звал представителей Круга пожаловать к нему в стан, что страшно возмутило казаков. Недовольство их было поддержано еще тем, что один из атаманов верховых станиц, Вышата Васильев, в таком небывалом, неслыханном на Дону деле как, нежелание Нащокина идти в Круг Войсковой, принял сторону царского посла.

— Неужели семя раздора уже пускает ростки на Дону? — пронеслось в удалых головах. Раз так, то надо вырвать с корнем и... посадили Вышату „в куль да в воду“, чтобы видели и другие — как нельзя презирать свое и доброхотствовать Москве, а донская волна, покрыв Вышату собой, искрясь на солнце, скрыла случайный позор в среде казаков.

Не мало возмутила казаков и попытка Нащокина разделить царские подарки так, чтобы лучшие достались лучшим, а худшие — худшим. Но, слава Богу, что казаки тогда были все равны — не было среди них ни лучших, ни худших.

Все эти поступки, все это необычайное для донцов поведение посла, тяжело отозвалось на душе казаков. Только на четвертый день переговоров они получили грамоту. „Посла задержали до возвращения „походного войска“ из морского похода в Азовское море, а затем силою отняли у него жалованье, присланное на Дон. (Сватиков).

Взявши грамоту, прочитали в Кругу „отошедши“ от посла. Прочитавши ответили царю, что подчиниться его „приказу“ и быть под начальством Петра Хрущова не намерены и „голов“ у себя иметь не желают, говоря, что и „прежде сево мы служили государю, а голов у нас не бывало, служивали своими головами, и ныне де рады государю служить своими головами. а не с Петром“... (Сватиков).

Так что ловко обдуманный наскок — одарить, разделить, подчинить — не удался. Но Борис Годунов настойчив. Испыток — не убыток. После такого ответа с Дона, он посылает новую грамоту с кн. Волконским, грамоту, полную грома и молний по адресу донцов: „И мы вам от нас быть в опале, и в казни, и впредь к Москве вам к нам николя не бывать и пошлем на низ Доном к Раздорам большую свою рать... и вас сгоним с Дону“ и далее говорит о том, что он войдет против них в союз с Турецким султаном.

Дон на эту грозную грамоту ответил постановлением Войскового Круга — царского посла в Азов не сопровождать. Борис об'явил экономическую блокаду, длившуюся два года. когда „невольно было“ ... и купити и продати везде заказано, а сверх того во всех городах имали и в тюрьмы сажали, а иных многих и казнили, вешали и в воды сажали“:

Видя, что донцы не крестьяне, что они сильны, что готовы жизнью платить за Волю свою, что они отрицают всякую зависимость, что с ними не так легко справиться, царь Борис уже предпринимает другой путь к порабощению Дона. Не удалось здесь, попробуем в другом месте.

(Продолжение следует).

Проф. ф. А. Щербина (ЧСР)

ПЕРЕЖИТОЕ, ПЕРЕДУМАННОЕ И ОСУЩЕСТВЛЕННОЕ
(Продолжение).

Наука в устах Харитона Захаровича была тогда особенная, в которую он более верил, чем понимал ее.

— Э! — говорил он как-то нам, детям, вечером за чаем у нас, — покойный отец Андрій, ваш папаша, умів і по грецескому читать“ — и он подробно рассказал, как один раз под Пасху заехал к нам в станицу іеромонах какого-то монастыря, как он служил в нашей церкви „за старшого“, а отец наш „за молодшого“ и как они оба читали евангелие — іеромонах по церковному, а отец по гречерскому. „Як прочитае іеромонах по церковному, то зупиниться і ждерассказывал Захарович — коли отец Андріе прочитае теж по гречерскому, та тільки монах старенький і так собі памкае під ніс, а отец Андрій — восторгался Харитон Захарович — так і чеше, так і чеше, кіріос, чи як там — наче настоящий грек. О тоді я побачив, що отец Андрій і іеромонаха за пояс заткнув. Он що наука робе!“

После смерти отца осталось много книг и в ящиках дивана и в особом сундуке и под иконами и на полках в проходе из одной комнаты в другую. Но это были учебники по греческому языку или евангелие на этом языке или старинные реторики, пиитики и логики или духовно нравственные книги и проповеди. Когда я научился читать, то в голове у меня осталось два названия двух больших книг — Четье-Минеи и творения, кажется, Дмитрия Ростовского. Так ли я передаю эти названия, но они всегда вертелись в моей памяти и высоко ценились знатоками духовной литературы и учеными священниками из семинарии.

Отец мой, повидимому, руководствовался тем, что он видел у других священников, учившихся в духовной семинарии. Попавши в духовное звание, он хотел быт тем-же, кем были ученые свещенники, как называли тогда священников, окончивших курс наук в духовных семинариях. В духовных же учебных заведениях царили в ту пору древние языки и сухая схоластика. Отец мой добросовестно все это изучал — и греческий язык, и риторику, и герменевтику, и многое другое, почему и слыл образованным для своего времени священником.

Но меня поражало больше всего то, что отец мой сильно предавался каким-то занятиям по ка-

ким-то книгам. Замечательно, что рассказы матери о том, как отец „доходил до него сам, своим умом", в первый же раз вызвали у меня мысль о необходимости заняться учением, чтобы самому все узнавать. Хотя я и ненавидел от всей души школу с сечением, но у меня был живой пример — самообразование отца. Одно мне не нравилось, что от усиленных занятий наукою мой отец рано умер, как говорили — на 36-м году своей жизни. Мне казалось, что с ним этого не случилось бы, если бы он не сидел много за книгами, ибо сидячая жизнь и для меня была сущим наказанием. Но все это путалось в моей слабо мыслящей еще голове. Ясно было одно, что отец что-то усердно делал, о чем с похвалою отзывались мать и Харитон Захарович и многие другие, и что мне нужно следовать примеру отца.

Глубоко меня трогали также рассказы матери об отношениях отца к прихожанам, чем еще более у меня усиливалось желание „робить так, як робив мій батя". И мать и даже мы, малыши, пользовались в станице всеобщим почетом, но я считал это в порядке вещей, не понимая причин уважительного отношения к нам. Мать, однако, часто подчеркивала нам, что этим мы обязаны были отцу. Казаки любили моего отца не только потому, что он сам происходил из казаков, но главным образом за его беспримерную доброту и теплые отношения к их горю и нуждам, раз это, по его мнению, входило в его обязанности: шел на зов каждого, шел немедленно, не манкируя своими обязанностями, вставал, если требовалось из-за стола, не окончивши еды, отправлялся на требы среди ночи, в дождь, грязь и холод к умирающему, чтобы поисповедать его, ходил пешком, когда не было на чем ехать, и не любил пред'являть какие — либо претензии к прихожанам при исполнении треб, а исполнивши требу, он брал то, что ему давали. Если же замечал в семье нужду, то не только отказывался от всякого вознаграждения, но и помагал нуждающимся: „хіба ми були б такі бідні" — говаривала нам мать — „як би ваш покійний батько робив так, як инші попи; він роздавав більше, ніж йому давали".

Меня это смущало и поражало, и я не мог разобраться, хорошо ли в таких случаях поступал мой отец или нет. „На що-ж батя робив так?" — спрашивал я мать.

— А так треба було! — отвечала мать, не смотря на собственные слова, что отец оставил нас бедными.

— От тепер люде і не забувають нас — прибавляла обыкновенно она, — і нам хоч, по трошку, а помогають".

И я чувствовал, что отец поступал хорошо, и это еще более возвышало его в моих представлениях.

И — за доброты и теплого участия к бедным людям, отец не редко, по рассказам матери и Харитона Захаровича, выдерживал ссоры с своими сослуживцами. Кроме отца, в состав причта нашей станицы, входили: пришлый диакон великоросс. которого казаки называли „гугнивым" за его гнусявый голос и не любили за „претензии", молодой дьячек Андроник, франт и хват, и пономарь старик Харитон Захарович. Одну партию составляли мой отец и Харитон Захарович, а другую диакон и дьячек. Первые щадил прихожан и довольствовались тем, что в состоянии были дать казаки за требы, вторые требовали повышения платы за молебны, панихиды и особенно за венчание и не брезговали нажимками на прихожан.

Вот на этой почве и назревали неудовольствия и нарекания со стороны диакона и дьячка, как лиц подчиненных отцу, который не всегда считался с их аппетитами и претензиями.

Приходит, бывало, казак-бедняк к отцу и жалуется, что ходил к диакону „за обиском", как называлось предварительная справка о брачующихся и дал ему за это рубль и мешок пшеницы, а теперь диакон требует за венчание десять рублей особо для него барашка, между тем он казак бедный и не может дать за венчание больше трех рублей.

Отец молча выслушивал прихожанина и успокаивал его, обещая повенчать за 3 рубля. Затем, встретившись с диаконом, он политично заводил деликатный разговор о необходимости обвенчать бедняка-казака за 3 рубля. Диакон возражал и сердился. Возникали взаимные неудовольствия, в которых иногда принимали участие и другие члены семьи.

Даикон был самый вздорный и имел вздорную жену, котороя в таких случаях открыто нападала на мою мать или Захаровну, упрекая их в том, что они не умеют держать в руках своих мужей, позволяют им потокать прихажанам и тем отнимают от нее, диаконицы, кусок хлеба.

Дьячек же Андроник в таких случаях восклицал: „Вот патеха!" и явно поддерживал диаконицу. Но споры эти проходили в большинстве случаев безрезультатно и казак-бедняк отделывался 3-мя рублями за венчание. Казаки, конечно, знали это и еще больше ценили своего „природного пан-отця".

Но особенно характерный случай о взаимоотношениях в причте передал нам Харитон Захарович. Когда „на проводах" во время пасхальных праздников были привезены целых два воза печеного хлеба „паляниц" и „книшей", полученных причтом от прихожан за требы „на гробках", то по обыкновению дележ этого хлеба был поручен Харитону Захаровичу, как старейшему по летам.

Харитон Захарович делил хлеб по принятым у духовенства нормам. Так было и на этот раз. Но диакон вмешивался в дележ: брал из своей кучи паляницю или книш и менял их на лучшие из любой кучки, преимущественно из кучек священника или пономаря. Это было явное нарушение правил дележа и благоприличия.

Отец молчал, Харитон Захарович сердито ворчал себе под нос, а дьячек Андроник хитро подмигвал своему союзнику диакону. Но диакон на этот раз держал себя так бесцеремонно и неприлично, меняя поделенный уже хлѣб и выбирая себе без позволения лучшее, что отец мой не выдержал и заметил ему:

— Ви, отец диакон, хоч би по разу міняли поділений уже хліб та кучку Харитона Захаровича не порушали, бо йому менша усіх доля доводиться!"

Диакон взял в это время книш из кучки Харитона Захаровича взамен поляницы и сердито ответил отцу:

— А вам, батюшка, хочется обделять меня? — и при этом так швырнул книш, что он попал не в кучу, а покитился в сторону, на грязную землю.

— Тут вже — рассказывал Харитон Захарович — не видержав і отец Андрій і каже діаконові:

— Підніми, діаконе, книш та поцілуй його і святу землю!"

А диакон з свого боку відповідае отцю Андрію, а сам аж труситься:

— Разве — каже — я холоп, что ви со мною так разговариваете?!

— Ну, отець Андрій уже завсім розсердився... Це тільки раз бачив за всю мою службу з ними— прибавил Варитон Захарович — та так наче потихеньку, а як ножем різанули:

— Підніми, кажу, діаконе, святий хліб та поцілуй і святу землю, на яку він упав, а то я сьогодні-ж напишу до благочинного і до владики".

— Що-ж би ви думали? Діакон наче води в рот набрав. Замолчав та підняв книш, поцілував його, а потім став на вколюшки та поцілував і грязюку. Я ледве не зареготався. Бо діакон і штани на колінях собі покаляв" — прибавил с улыбкою Харитон Захарович.

Так-то мой отец попал в духовное звание и таким он был для меня по воспоминаниям. Болезнь моя познакомила не с грамотностью в учебной команде, а с отцом. Прежде, при обычной моей жизни, я как-то не вдумывался в то, что приходилось мне слышать об отце. У меня были свои игры и удовольствия, перед которыми многое в моей слабо мыслившей голове отодвигалось на задний план. Но, при такой семейной жизни и обстановке, в положении больного, лежавшего почти месяц без движения, рассказы моей матери об отце и характерные добавления к ним Харитона Захаровича, глубоко проникали в мою впечатлительную натуру. Я не мог себе ясно представить образ отца, но в моем уме и сердцо рассказами о нем посеяны были зачатки того добрго, за котврое любили отца казаки — высоких сердечных отношений к людям.

(Продолжение следует)

Л. Медяник (Югосл.)

ЛИКВИДАЦИЯ БУГСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Со времени перехода Низового Запорожского Войска под власть Российской императрицы в 1734 году, Запорожское Казачество не переставало волноваться. На Запорожьи все время боролись две партии: московская (автономистов) и крымская (самостийников). Последние не раз выражали желание возвратиться под власть Крымскаго хана.

Недовольные новыми порядками, запорожцы уходили за реку Буг, являвшейся тогда границей Запорожья, а вместе с тем и Российской империи с территорией Турции. Там, в землях кочевых родов (орд), признававших турецкое покровительство, они жили и занимались промыслами. Ряды их, в значительной степени, пополнялись выходцами из Днепровского правобережья, на котором доживало последние дни бывшее Запорожское реестровое казачество.

В рядах этих добровольных эмигрантов находили пристанища и другие безспокойные элементы — турецкие, польские и российские подданные, готовые всегда принять участие в любых военно-политических событиях вокруг них. Поэтому неудивительно, что когда в 1768 г. вспыхнула война между Турцией и Россией, то это казачество предложило свои услуги турецкому правительству и выступило против России. Во главе войска стал польский шляхтич Петр Скаржинский, избранный казачеством в Атаманы.

Война эта затянулась. Целых пять лет длилась она с переменным успехом. Бугские казаки встречались на полях сражений со своими бывшими товарищами запорожцами. Запорожцы, по поручению российского правительства, переманивали казаков на свою сторону и вскоре достигли того, что все Бугское войско целиком перешло на российскую сторону.

Бугский Атаман Петр Скаржинский получил чин полковника, а за Войском торжественным актом были закреплены его бывшие земли. В 1774 г. его состав был пополнен молдаванами, валахами и другими христианами, не желавшими быть под турецкой властью. В эту войну бугские казаки не один раз действовали блестяще и по окончании войны войско получило через Потемкина и графа Румянцева десять Георгиевских знамен с вензелями Екатерины II и георгиевскими украшениями.

В 1775 г. к нему был присоединен казачий полк, навербованный из славянских выходцев, главным образом хорватов, поселенный на реке Ингульце.

Уничтожив Сечь Запорожскую в 1775 г., российское правительство оставило Бугское войско на турецкой границе, переведя его на положение поселенных казачьих полков. В таком виде оно в 1788 г. вошло в Екатеринославское казачье войско, составленное из казачьих полков бугских, чугуевских и семи иных, поселнных на Крымской линии.

Во главе этого войска и б. войска верных казаков запорожских, ныне переименованных въ Черноморские, стал в 1790 г. князь Потемкинъ —Таврический, с титулом: „Великий Атаман войск казачьих Екатеринославских и Черноморских".

Войско это просуществовало недолго. В 1796 г. оно было расформировано, но бугские казаки остались сушествовать под новым названием Бугско-Вознесенского казачьего войска; в состав этого войска вошли и пожелавшие остаться на казачьем положении екатеринославские и днепровские казаки.

Из территории Бугского казачьего войска и бывших запорожских земель была образована Вознесенская губерния, центром которой стал бывший центр Бугского войска городок Соколы на реке Буге, теперь переименованный в город Вознесенск. Бугско-Вознесенское войско просуществовало только один год. В 1797 г. оно было расформировано, а казаки переименованы в крестьян.

Недовольное такой реформой, казачество долгое время усиленно добивалось, если не восстановления войска, то, по крайней мере, переселения его в состав другого какого-либо войска. К 1803 году казаки добились своего: часть Екатеринославского войска ушла на Кубань и образовала там Кавказ-

ский полк, занявший станицами район от устья реки Лабы до реки Урупы.

Казаки, оставшиеся на реке Днепре и Буге и на побережье Черного моря, в том же 1803 г., вместе с болгарскими эмигрантами, образовали Бугское казачье войско. Войсковым Атаманом его, по царскому выбору, был назначен донской казак генерал маиор Иван Краснов, прокомандовавший войском до 1807 года. Въ его время войско получило еще десять знамен и в своем арсенале сохранило два знамени, вывезенные из Турции и пятнадцать знамен Георгиевских (Екатерининских).

В трех уездах Вознесенской губернии войско имело двадцать шесть станиц и два болгарских полка, имея в начале красновского атаманства 1597 дворов и 6383 душ населения. Войско выставляло три полка, численностью в 1308 вооруженных казаков.

Во время Русско-Турецкой войны, при Александре — I, оно принимало деятельное участие на Турецком фронте и по заключению мира в 1811 году было двинуто против французов.

В 1812 году Наказным Атаманом его, до самого конца войска, был князь Кантакузен, выходец из молдавских бояр. В эту войну Бугское войско добровольно выставило еще пятисотенный полк и обещало выставить другой.

Бугские казаки проделали всю Отечественную кампанию, прошли целую Европу и были награждены серебрянными медалями за взятие Парижа. Кончилась в 1814 г. война с французами, в России пошли новые политические веяния, у власти появился неблагой памяти генерал Аракчеев, решивший всю Россию покрыть сетью военных поселений, в которых солдаты были бы одновременно и воинами и земледельцами. В связи с этим нововведением, над Бугским войском повис Дамоклов мечь.

Судьбу Бугского войска должно было разделить и Украинское казачье войско, учрежденное в 1812 году из способных к службе потомков бывших реестровых запорожских казаков, проживавших в Киевской и в части Каменец-Подольской губернии на правой стороне Днепра.

Войско это, по окончании кампании, было поселено на землях бывшего Болоховского казачества, рядом с бывшим Запорожским, но в 1816 году оно было упразднено и переименовано в Украинскую уланскую дивизию.

Для более верного представления картины ликвидации Бугского казачества приведем записки современника, довольно известного мемуариста отставного офицера А. С, Пашкевича.

(Кстати заметим, что сам Пашкевич недолюбливал казаков. Происходил он из военной семьи, выходцев из Сербии, поселенных на землях Запорожья и постоянно враждовавших с кореннымі хозяевами земли до самого уничтожения Запорожской Сечи. А. С. Пашкевич побывал на Кавказе, проезжал через Дон и несколько раз сталкивался с донскими казаками. Свидетельство его ценно и об'ективно).

———

„1817 год. С начала весны сего года стали поговаривать о поселении части армии въ разных местах России. С того же времени определенно, в станицах бугских казаков, присоединя к оным некоторые селения елизаветградского уезда, привести четыре уланские украинские полки и поселить обратно бугских казаков в уланы.

Много офицеровъ из этих полков оказалось в Крюкове для приема вещей из тамошнего депо... Сии господа, не бывши никогда в станицах им отданных, мечтали обогащаться; они полагали, что селения сии изобилуют землею, а работниками будутъ уланы и их семейства, а того не ведали, что сии станицы едва имеют столько земли, чтоб досталось по числу душ; они же думали заводить конские заводы...

Пока молодость делала счеты на ветре, в Петербург потребован был генералъ лейтенант Г. И. Лисаневич для совещания о сем уланском поселении с гр. Аракчееевым, главным изобретателем поселений. Сочли Лисаневича, как уроженца сего края, сведущимъ всего до него касающегося. В Лисаневиче Аракчеев увидел человека по себе, т. е. довольно глупого, который слепо будет исполнять его волю. И так, как теперь на все устариваются комитеты, то явился уланский комитет, в котором Лисаневич — презусъ, обо всем относящийся к гр. Аракчееву, а сей прямо к государю.

Итак, мужик из Петримовки, которого фамилия была вначале Лысенко, вышел по сей части третья особа в России. Часть уланов должна была поселиться между бугскими казаками, а часть в Харьковской губернии.

Когда решено было соединить украинских уланов с бугскими казаками, тогда четыре украинские уланские полка приведены были в Вознесенск. Бугские казаки сначала решились было даже их невпущать и на квартиры в свои дома, но наконец силе не могли противустоять, уланы расположились в Вознесенске и потом разведены, по полкам и эскадронам по донским станицам.

Казаки волновались, Витт, начальник украинских казаковъ, потребовал помощи, для которой и было прислано ему две роты артиллерии и два батальона пехоты. Прежде всего начали приводить в Вознесенске к присяге, на которую казаки не соглашались, но собрав их между выставленною артиллериею, пехотою и полком уланов, несчастные, видя зажженные фитили, видя весь гибельный снаряд, готовым грянуть на них, присягнули.

После сего принялись и в других станицах за то же, и в других нашли то же сопротивление, а в некоторых даже дрались, за что были переколоты, потоплены в Буге, сечены кнутом, отосланы в Сибирь и прогнаны сквозь строй. В некоторых местах женщины бросались всадникам на встречу с младенцами на руках, мня заставить собою гибель, приготовленную их мужьям, но сие ни мало им не помогло...

Граф Витт поручил на словах генерал-майору Громову усмирить волнующуюся Михайловскую станицу. Громов потребовал письменного наставления и получил оное в таком смысле, что если казаки словесных убеждений не послушают, тогда употребить оружие. Громов с ним уехал из Вознесенска, но на дороге был нагнан посланником от Витта, который требовал письменного наставления обратно. Посему Громов и сам возвратился в Вознесенск. Тогда уже сам Витт отправился в Михайловскую станицу, где, собрав всех жителей, требо-

вал от них послушания воле монаршей, но они отказывались.

Тогда он прицепился к самому старейшему летами казаку и потребовал, чтобы он собою показал пример другим. Но когда сей сединами покрытый старик стоял твердо в том, что не посягнет дать согласие, из которого видно будущее бедствие его сограждан, тогда Витт сказал: „Итак ты будешь примером служить для других". Приказал баталиону пехотному стать в строй и тогда 70-тилетнего старца пустили между шеренг к прогнанию шпицрутенами, приказав двум мушкетерам итти перед ним с примкнутыми штыками, дабы он шел ровным шагом, чтоб всякая лоза коснулась почтенной его спины, а он и без сего не мог, по удрученным летам, следовать иначе, как весьма тихо.

Старец, видя сих перед собою, твердо сказал графу, присутствовавшему при сей сцене: „Не надобно их предо мною, я пойду таким шагом, каким ваше сиятельство прикажете, и всемогущий Бог примет мой дух".

Барабаны ударили, трубы затрубили, и старец пошел на смерть. Недолго надобно было ему ходить, на втором разе он испустил дух. Надобно вообразить себе эту горестную картину: удрученный летами старик мучился под ударами, а фронт окружаем был всеми жителями михайловскими, в числе коих находились сего старца сыны сынов и внуков.

Лишь сия сцена кончилась, как является к фронту в полном наряже, верхом, бугский казак. Витт его спрашивает: „Зачем и откуда?". „Я прислан из других станиц, осведомиться, что в Михайловской делается!" отвечает всадник.

Витт приказал стащить его с лошади и также прогнать сквозь строй: это был ответ на депутацию других станиц...

Бугские казаки опирались на дарованную им грамоту Екатерины II, в которой им пожалованы земли в вечное и потомственное владение, от сего в тогдашнее время на левый бугский берег пришло для поселения в сие войско много молдаван и болгар, а к ним присоединилось несколько деревень, малороссиянами населенных.

Новое положение уланского поселения таково, что все они делаются крестьянами своих начальников и потому казаки мнят, что это превращение делается не по воле государя, а что это затея их начальников.

Один из уланов сказал графу Витту: „Когда нас вели сюда, тогда нам обещали домоводство и покойнѣю жизнь, но мы теперь видим, что нас учат регуляррной экзерциции". Этого „говоруна" прогнали через строй. Для усмирения в Михайловскую станицу поставили целый полк солдат. Эта усмирительная мера была самая неблагоразумная, ибо хозяева, потчивая постояльцев, сближались с ними знакомством и ежели бы дошло до драки, то может быть постояльцы, помня хлеб-соль своих хозяев, не пошли бы против них.

К числу бунтовщиков причислен был один урядник бугских казаков, молодой и видный собой человек, служивший против французов с отличием, за что имел украшенную медалями и георгиевскими крестами грудь. Его также прогнали сквоз строй, при чем присутствовал сам граф Витт. По окончании экзекуции, тело убитого урядника прикрыли его курткою, на которой висели знаки монаршей милости. Наказанный имел еще столько духу, что сорвал свои знаки отличия и бросил их в глаза Витту со словами: „На что они мне, ежели я ими не мог себя защитить от безчестного наказания!".

Это уже было другое преступление сего несчастного. При сей второй экзекуции, урядник, пока мог употреблять свой язык, хулил новые постановления и ругал начальство, и с сим испустил свой дух юный воин.

Таковые поступки назывались „усмирением бунтовщиков" и таким примером, конечно, данный народ присмирел. Тогда начали их употреблять наравне со скотом: старики должны были на своих волах возить камень и лес на разные постройки; годные на службу учились военным оборотам, мальчики ходили в школу, оставались в домах одни женщины, с которыми офицеры и другие начальники поступали, как хотели. Сверх всего жители ни в чем не были вольны в своей собственности, из домашнего ничего не могли для себя употребить, ни продать без ведома эскадронных начальников.

В селе Верблюжке, куда вступил эскадрон украинских уланов, понадобилось поселянину зарезать барана для помину умершего сына, но сие ему было возбранено. Итак, худшего положения не могло быть, как положение сих воинов поселян. От сего злоба казаков на уланов ежедневно возрастала и поэтому вздумали примирить первых с последними, приказав уланам жениться на казачьих девках. Когда сие сбылось отчасти, тогда казаки мнили быть покойны с новыми своими зятьями, но не прошло долгое время, как переместили эскадрон из одного селения и там уланам было велено вновь вступать в брачные союзы. И это называлось смешивать кровное родство уланов с казаками!

В 1818 году государь из Одессы отправился в Вознесенск. Граф Витт постарался выгладить дорогу до сей уланской столицы как нельзя лучше и провести оную столь же прямо, как стрелу. Мгновенно, можно сказать, были выкопаны по обоим сторонам оной рвы и усажены деревья, хотя и в мае месяце, но несмотря на то они позеленели, пока император приехал; после поблекли, высохли и были разобраны чумаками на варку каши. Но чего стоило сие минутное украшение бугским казакам? Казаки ожидали государя с нетерпением и уверяли себя, что когда они об'яснят ему все ими претерпеваемое, то государь отменит сие новое устройство, доводящее их до совершенного переустройства.

Но граф Витт иначе о сем мыслил: он приказал для встречи Его Величества выйти всем жителям на большую улицу, где они были выстроены мужчины по одной стороне, а женщины по другой, и всем было приказано при проезде государя кричать: „Благодарим тебя, государь, за милости, нам оказываемые новым устройством! Ты — наш спаситель!

И чтобы сии слова всякий затвердил, то до приезда высочайшего оные были несколько раз повторены, а чтобы лучше над сей репетицией наблюдать, поставлены были позади уланы с палками, которые умели их заставить внятно выговорить заданный им урок. Государь, может быть, заметил, как и другие, слезы проливаемые избитыми воинами-поселянами, но он сии слезы принял за слезы умиления.

В тот же день государь обозрел все вновь заведенное графом Виттом строение, как-то: дом для приезда Его Величества, разные цейхгаузы и прочие уланские надобности, которое менее нежели в год выстроено и все — каменное, был этим чрезмерно доволен и благодарил графа Витта, как виновника всего видимого.

При всем этом купечество и мещане гор. Вознесенска осмелились просить у государя милостивого воззрения на их состояние, которые основали сей город, завелись домами. а теперь велено им выходить из оного, по положению уланскому; оценили их домы в столь малую сумму, что они по оной не выручат и четвертой доли положенного капитала. Государев ответ был: „Ежели вам сия оценка не сходна, то вы можете свои домы перенести туда, где пожелаете жить, но военное поселение непременно надобно оставить".

Это были происшествия первого дня появления Его Величества в Вознесенске, а на другой день, после литургии, государь, выйдя из церкви, поздравил толпившихся около него казаков уланами и все те, которые хотели ходатайствовать об оставлении их на прежнем положении, а особенно помня крепко прошлогодний с ними поступок графа Витта, когда их приводили к присяге, ничего не сказали.

Прибыв в дом, представлены были Его Величеству шесть человек казаков, из которых самому младшему было 75 лет. Граф Витт одел их в уланское платье и сим согбенным старцам насунули на головы кивера с предлинными султанами, а на обшлагах их рукавов нашили унтер-офицерские позументы. Граф Витт сим предпочтением стариков хотел показать обществу казацкому насколько он уважает старость...

Неспокойствия около Буга и явные бунты побудили государя на время приостановить поселения; в 1818 г. во многих местах его встречали депутации с просьбой „о помиловании от такого счастья". Государь приказал приостановить поселения до сентября месяца и тем умы на некоторое время успокоились.

В мае месяце 1819 г., прибывший из СПБ граф Витт привез грамоту бугским и украинским уланам с волей государя, чтобы поселения их продолжались. На постройку города Вознесенска были вызваны плотники из других селений, не подведомственных графу Витту. Им платили по 10 коп. в день, в то время, как на стороне плотники получают по 2 рубля, — говорит Пашкевич, а граф Витт получил 2 миллиона рублей на уланские постройки".

———

„Это голос современника и ближайшего свидетеля описываемых событий. Он говорит под влиянием непосредственного впечатления, и говорит с такой желчью и раздражением, что некоторые фразы и слова мы должны были совсем опустить" — заканчивает повествование Пашкевича издатель его мемуаров, лет 50 тому назад.

Нам к этим страницам прибавить нечего, они сами говорят за себя. Бугское войско перестало существовать. Аракчеевщина убила Казачество на берегах запорожского Буга. Точно также убивают Казачество, превращая в военно-хозяйственные поселения, теперь в советских колхозах. Правда, что „ничего нет нового под луной". Большевики практикуют опыты Аракчеева, только в более широких масштабах и по измененным методам.

Иван Безуглов (ЧСР)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Как только Лига Наций признала санкции против Италии мало действительными, а прибегать к вооруженному воздействию не решилась, боясь как бы не вспыхнул мировой пожар, все ревизионистские государства — Германия, Австрия, Венгрия, Болгария и Турция — воспользовавшись обстановкой, перешли к более активным действиям. Германия, как самый сильный партнер в этой группе, продемонстрировала выступление вождя данцигских национал-социалистов, требующих обратного присоединения Данцига к Германии. На заседании Лиги Наций, несмотря на то, что это заявление было сделано в очень резкой форме, никакого решения вынесено не было, что без сомнения еще больше снизит и без того пошатнувшийся престиж Лиги Наций.

Если Германия в данцигском вопросе не сделала последнего и решительного шага, то только потому, что не договорилась еще окончательно с Польшей.

Не менее значительным событием общеевропейского масштаба было опубликование Германо-Австрийского соглашения, которое по существу есть ничто иное, как замаскированный „аншлусс" (ссоединение Австрии с Германией). Это соглашение могло произойти только с предварительного и закулисного соглашения по этому вопросу между Германией и Италией, так как последняя в австрийском вопросе имеет интересы исключительной важности. Для того, чтобы получить согласие Италии по Германо-Австрийскому договору, конечно, пришлось компенсировать ее в иной плоскости. Признание Германией итальянской анексии Абиссинии безусловно произошло именно в этом порядке. Таким образом, ревизионистский блок привлек на свою сторону, в лице Италии, один из важнейших международных факторов и этим значительно поднял свое значение и увеличил свои возможности.

К данному времени рельефно наметились два враждебных лагеря держав — один во главе с Германией и Италией, а другой с Францией и СССР. В половине июля с. г. в Лондоне состоялась подготовительная конференция в которой участвовали представители Англии, Франции и Бельгии и на которой было решено возобновить Локарнский договор и тем самым обеспечить мир в Западной и Центральной Европе.

Французский представитель настаивал на расширении членов конференции, имеющей быть в Брюсселе в сентябре или в октябре, предлагая привлечь нового члена — СССР. Но Англия, не желая осложнять дела, настояла на том, чтобы новые участники не привлекались. К тому же, Германия свое участие в Брюссельской конференции обусловила отсутствием на ней представителя СССР. Ввиду того, что германское условие могло быть поддержано Италией и, следовательно, конференция — сорванной, Франции ничего иного не оставалось, как принять германское условие.

Судя по ведущимся уже теперь переговорам между Германией и Чехословакией о заключении двустороннего пакта о ненападении в течении 10 лет, надо думать, что вопрос о безопасности Чехословакии на Брюссельской конференции будет одним из важнейших.

Очень характерны условия, которые выдвигаются Германией в переговорах с Чехословакией: Она требует предоставления немцам в Чехословакии (3 миллиона человек) автономии и расторжения союза с СССР. Эти немецкие условия очень наглядно свидетельствуют о том, что в Западной Европе нет таких вопросов, которых Германия не могла бы разрешить миром, и что вся тяжесть ее государственной политики приходится на Восточную Европу.

Трудно, конечно, предугадать результаты Брюссельской конференции, но, принимая во внимание уступчивость Франции и усилия Англии — осуществить созыв этой конференции, можно допускать, что Германии, путем уступок Чехословакии, может удасться изоляция СССР, в таковом направлении устремлена основная линия политки Германской империи. На фоне Германо-Чехословацких переговоров, особое значение прио-

бретают заявления чехословацкого министра иностр. дел д-ра Крофты и председателя самой сильной в Чехословакии политически парти (аграрной) Берана, сделанные французским журналистам, в которых оба отметили желание Чехословакии договариваться с Германией, подтверждая верность союзникам-Франции и Малой Антанте и отметая вопрос о предоставлении немцам в ЧСР автономии. О верности союзу с СССР не было сказано ни слова. Одним словом, налицо признаки того, что СССР. политически может оказаться изолированым, что и будет началом роковых затруднений дня существования советской власти.

Серьезные изменения в ходе международной политики может внести происходящая в Испании борьба между левым правительством и националистами, сумевшими поднять против правительства армию. Война эта по своему психологическому значению далеко выходит за рамки внутренних испанских дел и становится предметом не только сугубого внимания, но и активного участия внешних мировых сил. Наученные горьким опытом невмешательства в борьбу, происходившую 16—17 лет тому назад на территории бывшей России, последствия которой были слишком осязаемы для всего мира, европейские державы не могут остаться строго нейтральными в испанских событиях. Германия и Италия несомненно будут поддерживать националистов, а Франция, с своими союзниками, формально об'явив нейтралитет, проявляет нескрываемую симпатию левому правительству, которое пользуется поддержкой и СССР.

Таким образом, вокруг испанск. событий сплелся клубок международных вопросов. Сугубый интерес представляет поведение Англии в отношении испанских событий. С одной стороны победа левых ничего хорошего, в конечном счете, не обещает Англии. Она начала бы собою усиление всеобщего брожения в ее колониях и левых элементов в собственной Англии, усиление работы коминтерна т. е. СССР. С другой стороны победа, испанских националистов, вероятно, означало бы увеличение влияния в Испании (главным образом в Марокко) Италии и без того усилившейся на черном материке после аннексии Абиссинии.

Ближайшие дни раскроют карты Англии. Португалия, которая, как известно, находится под большим влиянием Англии, заявила в Лондоне, что она всемерно будет помогать испанским националистам, так как торжество коммунизма в Испании грозило бы распространиться и на Португалию.

Состояние воюющих сторон в Испании свидетельствует о возможности победы националистов над коммунистами. Само собою разумеется, этот удар по ним будет чувствительным ударом и по коммунизму вообще. Эта же победа националистов будет означать и то, что европейские державы, отказавшись от ошибочной тактики „невмешательства", поняли международное значение борьбы между коммунизмом и национализмом и своим активным вмешательством дали победу последнему. Она же означала бы и то, что мир понял гангренозное значение СССР., как коммунистического очага, и на очередь во всей остроте стал бы вопрос о ликвидации этого очага.

В этом случае для националистов всех угнетенных в СССР народов настала бы горячая пора реализации национально-освободительной идеи.

Казачьи националисты должны приложить все усилия, чтобы использовать могущую сложиться благоприятную политическую ситуацию, чтобы Казачество вновь не оказалось в положении подневольного народа, подвергающегося беспощадному российскому великодержавно-националистическому или социальному эксперименту.

8.VIII.1936 г.

С. Ф. Лантух. (Ч.С.Р.)

ИЗ ИСТОРИИ СНОШЕНИЙ КАЗАКОВ И БОЛГАР

Европейцы, когда слышат о казаках, то, представляют их себе только как войско, поэтому невольно могли в большинстве случаев, себе задать вопрос: ну какие же могут быть отношения между казаками и болгарами? На самом деле это не так. Только каких нибудь 70—80 лет, как начало развиваться и укрепляться мнение о казаках, как о войсковом сословии в Российском государстве. Ранее же и российские учебники истории (Устрялов), географии — (Арсеньев), по которым учились целые поколения в российских средних и высших школах, говорили о казаках, как о племени, наравне с иными, русскими племенами. Сами казаки иначе на себя и не смотрели, как на отдельное племя наравне с великороссами, украинцами — (малороссами), белоруссами.

В самом деле, — казаки живут беспрерывно на той самой территории, где более чем тысячу лет жили и обитали их предки — древне славянские племена. О них мы знаем из повествований арабских писателей и ученых, посетивших в те времена земли Северного Кавказа и Подонья, а позже из писаний византийских и иных. Уже с того стародавнего времени между предками казаков и болгар устанавляются те или иные отношения. В одних случаях характера военного, в других культурного, торгового, вообще как это бывает между соседями.

Великая или Старая Болгария, как называли ее византийцы, занимала как раз территорию позднейшего Кавказскаго казачества, а предки казаков (этих и донских) сидели на Таманском полуострове, в стыке морей Черного и Азовского, и по р. Дону в те же самые и позднейшие времена. По переходе болгар в район Поволжья и Кумских степей, предки казаков не потеряли с ними общей границы.

Донское и поволжское казачество, занимавшее правый берег Волги, долгое время до падения царства Болгарского на Волге, тесно соседило с ним, разделяя участь совместно во времена владычества хозар и, позже, татар. Но и западное Казачество (Запорожское) тесно соседило с теми болгарами, которые переселились на Дунай.

Запорожцы начало своего Войска-республики на Буджацких степях, относили, точно к тому времени, когда в этих же местах было основано царство болгарское Аспарухом. В дальнейшем, особенно запорожцам, часто приходилось соприкасаться с болгарами. Их традиция древнего происхождения казачества была настолько тесно связана с временами хозарскими, что и в казачьей конституции 1710 г., говорилось о Хозарском происхождении запорожцев. Да оно и не удивительно, раз до уничтожения турками генуэзской власти в колониях на Черноморском побережьи, консулы этой республики носили пышный титул „господина империи хозарской и всего Черного моря", а в это время, в службах консульских, пребывали уже давно казаки.

Близость славянских предков казачества к морям, заселение, ими водных артерий, по которым происходили торговые и культурные сношения, приводила, понятно, к проникновению культуры и христианства в их среду значительно раньше, чем они проникали в Русь Киевскую и ту, из которой потом образовалось племя Великороссийское. Уже во времена I-го вселенского собора в Никее существовала в низовьях Дона митрополия Танаисская — 325 г. особенно широко распространялось там христианство во времена императора Византии Юстиниана 526—65 г., а в уставе императора Льва Философа 886—911, уже упоминается епархия Русская в этих местах, задолго до того, когда была крещена Русь

Киевская. Это была епархия предков казачьих, и нет ничего удивительного, что когда славянские первоучители св. св. Кирилл и Мефодий прибыли в Крым, по пути в Хозарию, они нашли там „евангелие и псалтырь по руски писмены псаны". Путь из Крыма лежал через земли, обитаемые предками Казачества и там, найдя славян, святители проповедывали слово Божие. Не даром в одном из новейших исследований о первоучителях славянских, прямо говорится, что они посетили Донских казаков.

Отличные мореходы казаки не раз встречались на побережьи с болгарами, при походах в Византию и на Дунай. Славная протестация Киевского духовенства 1620 г., в оборону Казачества запорожского и донского, так и говорит об этом. Прошли столетия, Московская государственность, претворившаяся впоследствии в Российскую, продвинулась к южным морям и столкнулась здесь с республиканской государственностью казаков. В тяжелой кровавой борьбе Казачество впервые уходит в эмиграцию с Дона в 1688 и 1707 гг., из Запорожья—1709, под протекторат ханский и султанский, на земли северокавказские и дунайские. Здесь опять уже ближе сходятся казаки с болгарами, хотя и во времена турецкого владычества более раннего, в Болгарии и Румелии, не раз турки используют подвластное им население на борьбу с казаками, как например при осаде крепости Азова в 1641 году, кончившейся катастрофически для могущественной Турции.

На Кубани донские эмигранты образовывают Великое Войско Кубанское, которое в 40 годах XVIII ст. вынуждено, под давлением русских войск, опять частично эмигрировать в устья Дуная, где казаки в Дунаевцы, б. генуэзской колонии, основывают главный стан своего Войска, вернее тылового района, оставляя Кубани более боевой элемент. Здесь, на Дунае, в Сары-Кисе имеет местопребывание новопоставленный в Крыму епископ Кубанский и Терский; здесь же отбывается поместный собор и поставляется архиепископ казаков, посещающий свою казачью паству на Кавказе, и сюда же окончательно эмигрирует в 1778 г. все Войско Кубанское; на эту же территорию переводят турки и вторую Запорожскую эмиграцию — Войско Запорожское, вынужденное под давлением русской армии покинуть свою родную землю в 1775 г.

Здесь, на территории болгарского народа, казаки находят себе убежище, сохраняя свое автономное казачье управление, быт и веру. Нам известно, что в эмиграции патриарх константинопольский поставлял „греческих" священников казакам; нет никакого сомнения, что эти священники были знакомы с церковно-славянским языком и без сомнения они были или болгарами или, по крайней мере, с болгарских земель.

Последующие события начала XIX века привели к перенесению кубанского главного стана в Анатолию и на территорию Фракии; на Дунае оставались кубанские колонии и поселения запорожцев, поддерживающие живую связь по морю между собою и с коренными казачьими землями на Дону и Кубани, куда в 1791 г. переселились остатки запорожцев и где остатки кубанцев в большинстве, образовали Кавказское линейное Войско.

Кубанские казаки в Турции, по словам английского путешественника Гамильтона, посетившего их перед Крымской кампанией 1854/55 г были на высоком культурном уровне; все мужское население их было грамотное и выделялось среди турецкаго обывательства. Казаки занимались морскими промыслами, торговлей, посещая берега Болгарии и свои Дунайские колонии и, естественно, поддерживали добрососедские отношения с болгарами. Поэтому нет ничего удивительного, что когда возникала эта война и на берегах Дуная начали формироваться казачьи полки: 1-ый полк, имевший в своем составе кубанцев, был в значительной мере пополнен добровольцами болгарами.

Главнокомандующий казаками Порты Оттоманской Михаил Илл. Чайка — Чайковский (Садык-Паша), сам по матери потомок запорожского атамана и гетмана Брюховецкого, воспитанный еще на Украине в духе казачьем, и позже очутившийся в эмиграции в Турции, мечтал при помощи своих казачьих полков, освободить казачьи земли из под власти России и организовать Славянство в борьбе за свое национальное право. Его мечтам не суждено было осуществиться: казаки в Турции терпели и несли свою тяжелую долю наравне с болгарским народом, а вскоре, по настоянию российского правительства, было уничтожено и казачье самоуправление в Турции. Немного спустя, казаки с Дона, Кубани и Кавказа снова появились на землях болгар же в качестве освободителей из-под ига турок в войне 1877-78 гг. На казачьих же землях, за морем, нашли себе прию трудолюбивые и опытные болгары земледельцы, тогородники, промышленники, сжившиеся с казаками, как кровные по роду и племени братья; 40 с небольшим лет спустя, как и казачьими руками, оружием, кровью была добыта свобода болгар; на земле, орошенной кровью их дедов и отцов, снова появились казаки с Дона, Кубани и Терека, ища себе, приют в братской Болгарии, в новой уже эмиграции. О казаках и болгарах в 1877/78 гг. и в эмиграции 1920 гг. можно бы было писать много и много, но это уже отдел иной, к которому современем и вернемся.

В заключение же желаем сказать, что кровная связь и отношения, возникшие между предками казаков и болгар, более чем тысячу лет тому назад, на территориях родовых Казачеству и болгарам, прошли ненарушимо веками и привели к настоящему более близкому познанию и пониманию друг друга.

История и судьбы народов Болгарского и Казачьего много и много походят друг на друга: тот же гнет чужаков; насилия поработителей, слава и сила в минувшем, страдания и порабощения... История Македонии и македонскаго народа так близка и понятна казакам, борющимся за свое право существования на родной Земле под своею же властью. Придет время, взойдет и наше солнце и исполнятся вековые чаяния народов о возстановлении и развитии своей государственности, свободной и независимой и в тесном братском сотрудничестве славянских народов.

[redacted]

АРХИВЪ

Санджа Балыков (ЧСР)

МАТЬ

Табунщик Бальджир был заядлый охотник, не знавший ни отдыху, ни сроку. И зимой, и летом, во все времена года, он вечно что-то выслеживал, за чем-то гонялся, стрелял, травил, ловил. Ехал ли в ночное дежурство при табуне в степь, возвращался ли в знойный день домой из табуна, его маленькие щелистые глаза неизменно щупали каждый куст в степи, каждую заросль камыша и чакана в пруду. Без старого шомпольного ружья за плечами и без двух тонконогих черных собак редко можно было его увидеть.

Был конец жаркого сухого лета. Наш хотон, из двух десятков кибиток, стоял недалеко от Маныча. Начиналось время перелетов птиц. Целые тучи их делали кратковременный перевал в наших степях, а водяные птицы черными точками усеивали поверхность манычских заливных лугов.

Бальджир пропадал целыми днями и возвращался с добычей.

Однажды он подстрелил какую-то диковинную птицу. Это была большая белая птица, с густым, нежным и сверкающим опереньем. Ножки ее были коротенькие, черные, с перепонками меж пальцев, а клюв имела длинный-предлинный, который заканчивался кружком, величиной с медный пятак.

Птицей заинтересовались. Собрались старики, начались всякие догадки и споры о породе этой птицы. Наконец, старик Цебек — большой сказочник и фантазер — ударил себя по лбу и громко воскликнул:

— Смотрите мужи! . . . Ведь это . . . „утка бессмертья!" Да — да, это — она . . . именно такою она описывается во всех сказах и легендах! . . . Множеству богов наше благодарение, великое счастье нам — кто с'ест хоть кусочек мяса этой утки, тот вечно будет жить! . . .

„Многознающему старику", как называли Цебека в нашем хотоне, никто не возразил: все как-то притихли, оглушенные величием момента.

Бальджир, владелец чудодейственной утки, аж побледнел; как-то поспешно взял в руки свою дичь, приказав жене разводить огонь и греть воду, сам принялся наскоро щипать утку.

Выщипав перья и подпаливая на пламени пух, он угрюмо проговорил:

— Конечно, всем не хватит. Семья у меня большая — я с женой, трое детей, да пять душ в семье брата в станице. . .

— Ну, как же ты думаешь Бальджир, неужели всю утку своей семьей и скушаешь, на нас глядя? . . . Тут неважно наедаться, а достаточно и маленького кусочка, хотя бы с лесной орех величиной, чтобы стать бессмертным . . . Как хочеш, я то уж имею право на кусок, потому что я угадал — проговорил старик Цебек.

Тут и другие соседи вступились. Весть, что Бальджир поймал утку бессмертия, мигом облетела соседей. Скоро в кибитку Бальджира собрался весь хотон. Напор соседей, желающих стать бессмертными, был настолько велик и настолько убедительно каждый доказывал свои добрые отношения с семьей Балдьджира, что супруги уже отказались от мысли посылать чудодейственную утятину семье брата в станицу и сами согласились на кусочки с орех, чтобы возможно большое число душ сделать бессмертными.

Но и такая жертвенность супругов не спасла положение. Мяса, все равно, всем не хватило. Волей-неволей, одних пришлось облагодетельствовать вечной жизнью, а других обидеть, обрекая их на неизбежную смерть.

То было у нас памятное событие. Было отчего нашему хотону шуметь и волноваться! . . .

———

В тот памятный день, как на грех, нашей матери не было дома. Она с утра поехала верхом в соседний хотон, чтобы навестить свою двоюродную сестру. Отец же наш не был табунщик. Он служил в экономии, а потому в хотоне бывал редко, да и то приезжал только на ночлег. Дома нас было трое детей: старшая сестра, уже просватанная барышня, я, мальчик пяти, кажись, лет, и Дорджи, ребенок, который только начинал говорить. Старший брат, ездок, был где-то в городе на скачках с хозяйскими лошадьми.

Когда делили утку бессмертия, ясно, что нам ничего не досталось. Сестре, как девице, нельзя было слишком смело соваться в многолюдное общество. Дорджи к вопросам вечной жизни был еще равнодушен. Я же напрасно крутился вокруг хозяйки, жены Бальджира, подкашливал громко, и словечко иногда вставлял, чтобы обратить на себя внимание, но все было напрасно. Меня не замечали. Кибитка была полна возбужденными людьми, для которых буквально шел вопрос — быть обыкновенным смертным или стать бессмертным. Понятно, что о нас, о чужих детях, никто не позаботился.

Унылые и обиженные мы вернулись втроем в свою кибитку. К вечеру, когда солнце клониллсь к горизонту, вернулась наша мать. Конечно, мы наперебой рассказали ей о великом событии в хотоне. Наше сообщение громом поразило ее. Помню как она с лица изменилась и тихо прошептала:

— О боги, боги . . . ели мясо утки бессмертия, а моим детям не досталось ни одному . . . Это нечистый меня толкнул на поездку . . .

Надо сказать, что мать моя в хотоне была влиятельной женщиной. Кажется мне, что она была в нашем хотоне умной и энергичной женщиной, если вспомнить, что к ней за советами приходили не только все хотонные бабы, но иногда и мужчины в трудных случаях. А отец наш всегда делал только то, что прикажет мама.

Приведя себя в порядок, моя мать, взяв меня за руку, пошла в кибитку Бальджира.

— Пришла я поблагодарить тебя Бальджир, и тебя Каляш (жена Бальджира) за то, что раздавали всему хотону бесмертие и моих детей не обошли — саркастическим тоном начала моя мать, войдя в кибитку Бальджира . . .

— Пожалуйста простите нас Ниме (так звали мою мать), было столько народу, все так приступали к горлу, что мы и сами едва достали по кусочку — начал оправдываться Бальджир.

— Да не оправдывайся ты, когда тебе в по-запрошлое лето нечего было доить, и твои дети были без молока, кто тебе из соседей пригнал двух дойных коров на целое лето от весны до осени?... У кого вы одалживаете всегда коня на поездку, кто вам позычает деньги, кто вас, кроме меня, поддерживает в нужде? . . . А теперь вам представился единственный случай, когда могли меня осчастливить, вы позабыли о моих детях!??..

Дальше голос моей матери оборвался, и она умолкла, утирая катящиеся слезы . . .

— Ну, пусть будет так . . . даже в день Святого Праздника нога моя не переступит порог твоей кибитки! — обиженно проговорила моя мать, направляясь к двери.

— Да нет, постойте Ниме . . . вы, действительно, всегда была к нам как родная, мы не можем обижать вас — заговорил Бальджир и, обращаясь к жене, решительно сказал: — Ты, отмыкай сундук, да отдай Ниме тот кусочек мяса, что припасла для будущего ребенка! . . . Хватит нам и трех бессмертных детей.

Жена Бальджира с явной неохотой открыла сундук и молчаливо протянула моей матери кусочек мяса величиной с орех.

Тут уж моя мать была растрогана такой жертвенностью супругов и горячо благодарила их. Радостные пошли мы с матерью домой.

— Ну, дети, идите сюда! . . . Да будет над нами милость высших, да здравствует Бальджир с детьми — удалось мне, таки, достать кусок утятины бессмертия . , . — радостно говорила мама, собираясь делить и без того крохотный кусочек мяса.

— Что вы делаете! . . . Это-ж кусок только для одного!.. Разделите его на еще мелкие куски, так он не будет иметь действия — заметила моя сестра.

— Да что ты говоришь, глупая девочка, кто тебе это говорил? — испугалась мать.

— Слышала я, как старик Цебек говорил днем, что на одного человека нужен кусок с орех. Значит — меньше нельзя!? — отвечала сестра.

— Пойди позови старика Цебека. Скажи, что мама приглашает на чашечку раки, что из гостей привезла.

Старик не заставил себя ждать.

Налив ему полную чашку раки, мать навела разговор на вечную утятину и прямо спросила — можно ли порцию мяса с орех величиной разделить на четыре-пять частей? . . .

Подумав, старик Цебек ответил, что во всех сказках и легендах не упоминается порции меньше ореха, а потому, чтобы зря не загубить драгоценное мясо, лучше такой кусок дальше не дробить.

Я помню, как изменилась в лице наша мать, какое огорчение и мучение выразилось на ее лице.

Когда старик ушел, долго сидела она, глубоко задумавшись. Важность происходящей у нее душевной борбы, как будто, поняли и мы, дети, потому что мы все трое выжидательно молчали.

Хотелось, видимо ей и самой стать бессмертной. Перед нею стояли трое ее детей: „Как быть и кому отдать предпочтенье?“ — вероятно, думала она.

Всех нас она без ума любила. И старший сын, ее первенец, был гордостью матери. С безобидным отцом моим она также жила много-много лет в тихом ладу. А кусок, несущий бессмертье был только один и для одного!...

Трудная настала минута для нашей мамы, без сомнения верящей в чудодейственность этого кусочка мяса. То было давно. Люди тогда были простые, верующие, суеверные, боящиеся и Бога и черта.

Долго сидела она в мучительном сомнении, но, наконец, проговорила:

— Иди сюда ты ... ты в самом центре моего сердца — и протянула мне уже суховатый кусок утиного мяса ...

С „утки бессмертия“ теперь, конечно, мне смешно. Тогдашнее население нашего хотона давно уже повымерло. Кажись, только я и остался в живых. Но как вспомню, как моя суеверная и наивная мать в мучительном для нее выборе — кому быть вечно живым из нашей семьи — выбрала меня, и сейчас тепло становится на душе от той великой материнской любви, равной которой нет на земле.

В. В. К.

НАША СТЕПЬ

Широка наша степь
И простор в ней какой.
— В целом свете и нет
Нигде больше такой...
  На рассвете ковыль
  Всколыхнется седой,
  Да песочную пыль
  Кинет ветер шальной.
Золотые лучи
Солнце бросит по ней,
А вдали пролетит
Табун резвых коней.
  Застрекочет в траве
  Хор кузнечиков вдруг,
  И ввыси, в синеве
  Сокол сделает круг...
Эх!... Та степь вдалеке...
Оседлать бы коней
Да, пригнувшись к луке
Проскакать бы по ней.
  Жуть нагнать бы, в степи
  Обнаглевшим врагам,
  Отомстить за грехи
  Краснобелым волкам.
Разметать бы в злобе
Рать сермяжных полков,
Что расселись в стране
Вековой Казаков...
  Широка наша степь...
  Не забудем тебя,
  И россейскую клеть
  Разобьем мы шутя...

Г. М. Александрин (Болг.)

ИЗ РОДНЫХ КАРТИНОК

Раскрасавица девица
Несет завтрак на покос.
Недалеко от станицы
Идет жаркий сенокос.

На ней косыночка белеет.
Завязан бантик на косе.
Ее ленточка алеет.
След ложится по росе.

Там, косой звеня, в лампасах
Косят сено казаки.
В распоясанных рубахах
Косой машут старики.

Девица вышла очень рано,
Чтоб пройти ей холодком.
Несет она блинцы в сметане
Несет и пышки с каймаком.

Николай Келин (ЧСР)

За былую славу,
  За степной обычай,
Развернем знамена
  Дедовских времен,
И взволнуем груди
  Нашим грозным кличем,
Кличем буйной воли
  Глыбы развернем.

——

Гей, Москва, не чванься
  Сталинской острасткой.
Нет на свете силы,
  Равной казакам.
Вновь мы вспеним море,
  Вновь чудесной сказкой
Загорится в мире
  Слово — Атаман!

——

Помни! В каждом вздохе,
  В каждой нашей мысли
Бьется жажда к Воле,
  Дремлет слово — Степь.
Пусть над старым Доном
  Коршуны повисли,
Но разгонит тучи
  Разинская крепь!...

——

В каждом казачонке —
  Глянь живет Кондратий,
В каждом нашем взгляде
  Чудится Пугач.
Скинем с Края цепи
  Вековыих проклятий,
Снова над майданом
  Заблестит Пернач!...

* * *

Мрак на душу мою сеть накинул,
Обступает со всех сторон,
Гнут невзгоды прямую спину,
Похоронный гудет звон.

Ни минуты нет просвета,
Жмет тоска наболевшую грудь.
Уведи меня, ангел светлый,
Хоть куда... хоть куда-нибудь...

Ведь и я человек и слабый,
Сердце все я отдал степям...
Ну, кому... ну, кому это надо,
Чтобы кровь лилася там?!.

Милый Дон — Ты живешь, я знаю...
Славный Дон — тепловодная лепь,
Тяжело мне под солнцем мая
О тебе грустить и петь...

Ах, не верю, не верю, не верю...
Всколыхнется пожарами степь,
Он придет — этот праздник преддверий,
Раззвучит онемевшую медь...

Чую я колокольные звоны,
Над шляхами широкий намет,
И струящие славу знамена
И свободный казачий народ.

————

Плачу!...
  Боже, правый!... Плачу!...
  Ведь это моя больная
  Душа бредит...

2.V.34.

(из сборника стихов, подготовляемого к изданию)

ДОНСКОЙ АРХИВЪ

† Ив. Томаревский

Наш долг — с рожденья до могилы
Стоять за Волю, Честь свою,
Быть тем, чем прежде все мы были
В родном Казачества краю.

Мы все должны идти стезею
Свободы, Права для людей,
Иметь свое, лишь, не чужое
На лоне дедовских степей.

Наш долг — напрячь ума все силы,
По духу быть за свой народ,
Ему быть верным до могилы,
Как целям всех его Свобод.

Чужое иго — зло природы,
Оно нам — цепи и ярмо,
Для нас, казачьего народа,
Лишь рабство вечное оно.

Свобода наша — Казакия
Держава древняя в степи,
А что рабство есть Россия
В былом и нашем во все дни.

Мы, все живущие на свете,
Кто носит имя — Казака,
Перед потомками в ответе
За все свершенные дела.

Наш долг для каждого священный,
Народ свой вывести на путь
Свободы, равенства без терний,
Что есть и жизни самой суть.

Наш долг — напрячь ума все силы,
Избавить Родину, Народ
От ига тяжкого России,
Чтоб вольными быть наперед.

Делегаты III-го Окружного с'езда Казаков Националистов в Болгарии 1936 г.

3-й ОКРУЖНОЙ С'ЕЗД КАЗ. НАЦ. В БОЛГАРИИ

28 июня с. г. в городе Софии состоялся очередной с'езд представителей вольноказачьих организаций в Болгарии. Заседание с'езда открылось в зале Славянского Дружества в 11 часов дня при многочисленном стечении делегатов, казачьих и иностранных гостей — представителей болгарской, украинской и русской общественности, представителей болгарской, итальянской и турецкой прессы.

После приветственной речи Окружного Атамана П. Н. Кудинова, с речами приветствия, пожелания и информации выступали многие из делегатов и гостей.

По обмене приветствиями, торжественная часть с'езда была закрыта, и собрание приступило к своей работе: Мандатная Комиссия, избранная в составе станичников — И. М. Евсикова, Н. М. Егорова и Н. В. Лапченкова, проверив представленные полномочия, установила налицо 36 человек, имеющих право участия на с'езде с правом решающего голоса, а именно:

1. И. М. Евсиков от каз. нац. гор. Кюстендиля.
2. М. Г. Борисов . . . . . Казанлыка.
3. И. В. Васильев и
4. Е. П. Кострикин от каз. нац. из Г.-Ореховице.
5. Н. С. Пискунов и
6. Н. Е. Ковалев от каз. нац. из гор. Лесковца.
7. С. М. Поляковъ . . . . . Варна.
8. М. Г. Глазков, как уполномоченный от каз. нац. в гор. Ботевграде.
9. М. Н. Гусаков и
10. И. Д. Кузнецов от каз. нац. из гор. Торговище.
11. Н. И. Адинев и
12. Г. М. Логвинов . . . . . В.-Тырново
13. Н. М. Егоров и
14. Е. М. Затяминъ . . . . . Лом.
15. Е. М. Смирнов . . . . . с. Кочериново
16. В. М. Кичапов . . . . . Казанлыка.
17. А. В. Черников,
18. М. Н. Сальников и
19. А. В. Лаврухин . . от Софийской станицы
20. П. И. Грицинов,
21. К. Г. Вишняков и
22. Я. С. Озерин от каз. нац. из города Бургаса.
23. П. М. Макаров и
24. У. Т. Манжиков как делегаты от калмыков из города София.
25. Д. Ф. Князев и
26. А. М. Коновалов от каз. нац. из гор. Сливена.
27. А. Ф. Анисимов . . . . . ст. Искра
28. Н. Васильев . . . . . из села Княжево.
29. Г. И. Чекунов . . . . . станц. Сарамбея.
30. Е. П. Планидин . . . . . с. Надежда.
31. Ф. В. Плешаков и
32. Н. В. Лапченков от каз. нац. из гор. Видин.
33. Е. Н. Кудинов . . . . . ст. Александрово.
34. И. М. Юдин . . . . . село Враждебно.
35. И. И. Ломков . . . . . село Ляджене.
36. Х. В. Таран . . . . . ст. Сарамбея.
37. П. Н. Кудинов
38. С. А. Косоротов
39. Ф. П. Зинченко
40. А. Автономов Ст. З.
41. В. Николаев
42. В. Лошко, Казанлык
43. Ф. Оболенский.

По проверке мандатов и утверждения Мандатной Комиссией правомочий делегатов, с'езд избирает Президиум. Председателем с'езда избирается А. М. Коновалов, товарищем Предс. В. М. Кичапов и секретарями — Н. Е. Ковалев и А. В. Леврухин.

По принятию повестки дня, предложенной Окружным Правлением, Окружной Атаман П. Н. Ку-

динов делает доклад о работах Окр. Правления за истекший год.

Казачье Нац. Движение в Болгарии за этот год еще больше расширилось и укрепилось в казачьей массе: в состав округа за год были приняты станицы — в Старой Загоре, Бургасе, Горно-Ореховице, Казанлыке (2-я ст.) и курень в Кюстендиле.

Наряду с этим, установлена связь с местной дружественной общественностью и с некоторыми органами местной и иностранной печати.

По окончании доклада Окружного Атамана, деятельность которого почти неразрывно переплетается с ответственной ролью Председателя Центр. Правления ВК., Предс. Ревиз. Ком. оглашает акт ревизии дел округа.

По выслушании доклада Окр. Атамана и Ревиз. Комиссии, делегаты задают вопросы по их содержанию, получают ответы и об'яснения, и работа езда протекает по обычному правилу.

По окончании прений по докладу, Председатель с'езда, от лица всех присутствующих, благодарит Окружное Правление за проделанную работу.

На этом работа первого дня с'езда прерывается, и заседание возобновляется 29 утром.

Рассмотрев выработанный Окружным Правлением годовой бюджет Округа, обсудив и утвердив его, с'езд приступает к выборам нового Окр. Правления, выбрав предварительно Счетную Комиссию в составе станичников — Васильева, Борисова и Глазкова.

Называются кандидатуры — П. Н. Кудинова, С. А. Косоротова и А. В. Лаврухина.

Прежде чем приступить к выборам Окружного Атамана, Председатель с'езда вносит предложение обсудить вопрос о сроке Окружного Атамана, выразив пожелание о трехгодичном сроке.

По внесенному предложению начинаются прения. Выслушав всех желающих высказаться по этому вопросу, Предс. ставит вопрос на голосование в нижеследующей редакции:

„Утверждаются ли выборы Окружного Атамана и членов Окр. Правления на 3 года".

Абсолютное большинство (при 2-х воздержавшихся) подается — „за", и, таким образом, с'езд принимает важное решение о 3-хлетнем сроке Окружного правления, с обязательством созыва Окружного с'езда каждый год для принятия годового отчета, каковой с'езд, в случае необходимости, может назначить перевыборы и ранее срока.

Тайным голосованием, из выставленных кандидатов 27-ю голосами — „за" — избирается П. Н. Кудинов. Помощником Окр. Атамана, из трех выставленных кандидатов, 21 голосом, избирается С. А. Косоротов. Секретарем Окр. Правления, из трех названных кандидатов, большинством голосов (17) избирается А. В. Лаврухин. Окружным казначеем, из трех выставленных кандидатов, большинством голосов избирается Ф. П. Зинченко.

Запасными членами Окр. Правления, открытым голосованием избираются М. Г. Глазков и И. М. Юдин.

Ревизионная Комиссия, тайным голосованием, избирается в следующем составе: Ф. В. Оболенский — Председатель, И. М. Евсиков и М. Н. Сальников — члены. В качестве запасных членов Рев. Ком. избираются А. В. Черников и Е. П. Планидин.

По окончании выборов, пришедший в качестве гостя ст. Михайлушкин представляет собранию гостя — редактора турецкой газеты „Курун-Эпоха" г. Мехмед-Мурат-Али, который в теплых выражениях пожелал Казачеству процветания. Ему отвечали Предс. с'езда и ст. Косоротов.

После обеденного перерыва с'езд подвергает обсуждению существующее положение в среде каз. нац. в Казанлыке в связи с неладами между двумя местными станицами. После обмена мнениями, с'езд нашел возможным существования в одном месте двух станиц с условием невредительства в отношении нац. идеи.

Вторым вопросом с'езд обсуждал обращение редактора журнала: „Вольное Казачество" И. А. Билого о примиренни с казаками националистами, живущими в Болгари. После краткого обмена мнениями, П. Н. Кудиновым был предложен проэкт ответа. С незначительной поправкой в присутствии выделенных лиц: П. Н. Кудинова, И. М. Евсикова, С. А. Косоротова и Н. Е. Ковалева, последний был приня твсем с'ездом, при одном только воздержавшемся. (см. № 13-й. Ред.) Выработанный проэкт письма, должен быть опубликован в ближайшем номере журнала „Казакии".

По исчерпании повестки дня начинаются вольные собеседования, в которых казаки из различных уголков страны высказывали свои мысли и и пожелания. Были подняти вопросы о казаках инвалидах, о необходимости поддерживания с казачьей массой живого общения и т. д.

На третий день с'езда делегаты и желающие казаки выслушали доклады по казачьим вопросам:

С. А, Косоротов: Идеологии Казаков — Националистов.

П. Н. Кудинов: Былое Казачества.

А. М. Коновалов — Две русские нации, две эмиграции и Казачество.

После докладов, Окружной Атаман в искреннем и прочувственном слове, обращенном к казакам-националистам в городе Казанлыке, выразил пожелание о примирении неладящих двух групп. В результате его призыва тут-же произошло примирение в среде казанлыкцев. Это примирение произвело на всё собрание весьма отрадное впечатление, наглядно продемонстрировав то, что казачьи националисты, захваченные могучим зовом их сердец к свободе, могут преодолевать личные неприязни.

Тронутый этим актом примирения, станичник Лапченков воскликнул: „Ди воссияет звезда примирения над всеми казаками, как воссияла она над делегатами казанлыкских станиц!"

В 12 с половиною часов дня 30 июня 3-й Окружной С'езд каз. нац. был закрыт.

Подлинный протокол подписали:

Председатель: А. Коновалов.
Товарищ Предс.: В. Кичапов.
Секретари: Н. Ковалев, А. Лаврухин,

и все участники с'езда.

(Соб. кор.)

К КАЗАКАМ

Дорогие братья Казаки, в вихре невзгод и лихолетья, когда Родина наша — казачья земля стонет под тяжестью Российской неволи, с трепетом утомленной души, с часу на час ожидает рассвета во тьме, когда лучезарная звезда пророчества рассеет сгустившийся кровавый мрак и озарит лучами Казачий Путь, Казачью Волю, вы, родные, очутившись на чужих полях и встретившись с суровой действительностью эмигрантской жизни, по примеру бессмертных предков, не утратили присутствие рыцарского духа, вы не отчаялись перед образом беспросветного горя и нужды. Вы не опустились в бездну нравственного упадка, вы не испугались дыхание нищеты, нет!— вы с несокрушимою глубокою верою, с напором физической силы победили и рассеяли призрак растления Казачьего имени, призрак уныния и безнадежности.

Вы сохранили в сердцах своих заветы отцов и на челе своем отпечаток великих сражений и гордо заявили: „Казачество — бессмертно!“. Вы мышцами героя и пахаря победили смерть древнего народа, лопатой отрыли сокрытый источник Казачьей жизни; молотом тяжелым разрушили двенадцать кованных дверей-нелепых сказаний Российской истории, воскресили преданье старины и, этим повестям „ о доле Казачьей“, дали могучий полет по лицу земли, по чужим краям.

Когда пылал огонь сражений и от пожара и грабежа (чужим народом) чернели наши степи, станицы, и хутора и голос распятых отцов, матерей и юношей утихал под холмиками растоптанных могил, вы, братья, сбитые вождями предателями с казачьего пути — тая оскорбление в глубине души, ориентируясь по звездам в темной ночи — шли по бездорожью отыскивая пут спасения, путь Казачьей Правды. И этот славный прадедовский путь умощенный боевым оружием, костьми предков и зацементированный Казачьей кровью, найден вами под ветхим знаменем Казачьего Национального Движения.

Помните, братья, что путь избранный нами — путь тесный, путь скорбный, путь, покрытый трехсотлетним рабством и заросший красны мколючим чертополохом. На этом пути еще ни один из нас сложит кости, еще ни один оставит безжизненное тело, но ради свободы Родины и ея вечности эта благородная жертва — свята.

Не страшитесь чертополоха Московского! Бронью рыцарской расчистим острые шипы! Сами выковывая свое национальное счастье, молотом тяжелым расплющим ржавые вражьи цепи, заступом могильным взроем, веками заросший Казачий шлях и стройными сомкнутыми рядами уравняем обновленный путь, который лежит к берегам священных рек: Дона, Кубани, Терека, Урала, Оренбурга и к водам далекой Сибири.

Станичники, угасают сумерки . . . Близок рассвет! . . . Вы не поколебались в выборе правого пути, вы не ошиблись в политическом расчете, голос вашей совести не обманул вас и те, на кого вы возложили тяжелый крест борьбы за Казачью долю, себе изменят, но вам, бесценные ратоборцы, очьи груди плющился раскаленный вражий свинец, никогда и ни за что!

Те, кто наряду с вами ощущал призракъ холодной неумолимой смерти, кто вместе с вами вдыхал запах крови, кто в окопах делился с вами куском черствого хлеба, кто из под огня сражений уносил тело убитого брата-Казака, кто с вами испил чашу горечи до дна, в тех нет коварства, нет лицемерия, в тех живой источник любви, источник жертвенности ради угнетенной Родины Казачества. Кто не испытал кандальную неволю, чье сердце отравлено корыстным ядом, тот не может определить цену идеи, цену человеческой жизни, как и чем покупается свобода и каким и дарами и жертв, она, свобода, освещается. Дорогие станичники, поклявшись быть носителями кровью освещенной идеи, на своем крестном пути ничему не ужасайтесь, мечей огненного сердца в ножны не вкладывайте, в избранном пути не сомневайтсь.

Мы познали цену жертвам, мы научились как нужно умирать за вечность Родины, но этого мало и мы должны научиться еще и другому: как нужно жить, творить, созидать основу государственности и как любить родимый Казачий Край.

На пороге победы, на пороге свободы, берегите светильник веры, не гасите факел муками истерзанного сердца, факел гордой Казачьей души!

Придут времена, когда от радости вздрогнут ваши сердца, прелести чужой земли покажутся вам ничтожеством и вы, вступивши на родную землю, будете оплакивать забытые тропинки, шлях заросший бурьяном, погост, где сложен прах отцов, друзей и близких; стрехи почерневших куреней, от многолетия погнувшиеся деревья сада, чудом уцелевшие подгнившия сохи скотиньего база . . . И от радости сердечной после долгой разлуки будете целовать родную землю, как Божий крест как вечную святыню.

Друзя, не стойте на распутьи дорог! Не поджидайте: „чья возмет“. Запасайтесь маслом для светильников души, дабы светлый день свободы встретить мощным национальным — Ура!

Всем Казакам место только в рядах национального Движения.

Исполнивши свой долг, вас Родина вознаградит и чело ваше обовьет венками неувядаемых лавр.

Куйте же братья, куйте Свободу, куйте, страданьем в чужбине, Родине счастье!

С Богом вперед! Нас Родина зовет на подвиг жизни новый на подвиг вековой!

Слава и Воля всему Казачеству!

П. Кудинов

НЕУДАВШАЯСЯ ВЫЛАЗКА СОВЕТООБОРОНЦЕВ В ПРАГЕ

Потерпев неудачу при первом своем выступлении, пражские советооборонцы пытались произвести новую публичную вылазку. Так как на первом собрании главный удар им нанесли казаки, то на этот раз оборонцы уже не решились выступать под казачьей вывеской и, свой доклад 23 июня с г., они озаглавили: „Угроза войны, Россия и эмиграция“.

Председательствовал (под диктовку Г. Чапчикова!) „ворошиловский всадник“ — Н. Твердый. Памятуя, что оборонцы свои оборонческие вожделения любят связывать с казачеством, пошли и на это собрание казаки националисты, чтобы они не выставляли казаков в кривом зеркале.

Главный докладчик (бывший пражский глава младороссов) два часа морил малочисленную аудиторию (25 — 27 человек) „чудовищными захватническими планами Германии и Японии“, но ему явно не удавалось навеять на публику страх за судьбу красной России. На лицах большинства присутствующих можно было читать: „Господи, хоть бы скорее!“ . . .

После перерыва первым оппонентом выступил д-р. С. Федоров, который заявил, что **казаки националисты не принимают участия в вопросах чисто русских, не касающихся Казачества.** Сегодняшнее выступление их в качестве оппонентов вызывается во-первых, тем, что докладчик попутно затронул казачий вопрос и, во-вторых, тем, что председательствует на этом собрании, какой бы ни был, а казак, каковое обстоятельство собравшимися может быть истолковано в том смысле, что будто Казачество проникнуто советским патриотизмом. В своей яркой и убедительной речи, испортившей настроение докладчиков, д-р. Федоров подверг убийственной критике позицию оборончества вообще, а, с точки зрения казачьих интересов, в особенности. Сочувствие аудитории было явно на стороне оппонента.

Затем, с горячей и ладно построенной речью выступил инж. В. Глазков, который в своей речи коснулся советомании иностранцев, которую можно об'яснить будь обездоленностью определенной социальной группы или человеческой жадностью к материальным выгодам или-же глупостью и снобизмом или определенной выгодностью советомании для тех европейских публицистов, которые берут на себя роль пропагандаторов советского „рая“. В дальнейшей речи инж. Глазков высказал мысль о неактуальности для казаков вопроса о целости со-

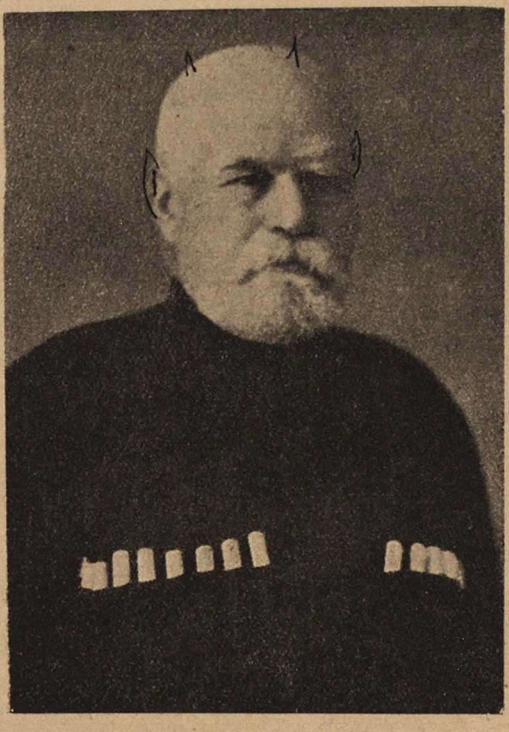
ветов. „У казаков есть свое дело—Свобода собственной территории и борьба за свой казачий порог и угол". Убежденная и горячая речь Глазкова производит на собрание заметное впечатление.

Достойно отметить выступление одного „малоросса", который, как оказалось, до сих пор представлял казаков слугами российского правительства всех видов, а потому, услышав из уст казаков националистические речи, был настолько обескуражен, что вслух выразил сожаление о том, что „мало резали этих украинцев и казаков!". Этот возглас отчаяния вызывает веселье в аудитории.

Вообще казачьи и другие националисты являются для оборонцев самыми злыми врагами. Достаточно бывает одного появления националистов, чтобы доклачики советооборнцы теряли равновесие.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ И. А. БИЛОГО
„К опозиционерам в Болгарии"

Случайно прочел в №-63 „Казачество" статью И. Билого под вышеприведенным заглавием, и казачья душа моя наполнилась радостью. Наконец то, думаю, Игнат Архипович взял в руки инициативу уничтожить тот раскол, который, по вине какого-то лица или каких-то лиц, произошел среди Вольного Казачест.

Яков Иванович Лопух
Почетный член Союза Казаков Националистов в Болгарии

Мысль блестящая, поступок благородный, жест красивый, но... написан этот призыв как-то странно. (К несчастью я №№ 174, 177, 183 не читал). Прежде всего бросается в глаза то, что Игнатъ Архипович обращается к оппозиционерам, не признающим его Походным Атаманом, а подписался „Походный Атаман". Дальше — обращение адресовано почему-то только к „оппозиционерам" в Болгарии, тогда как эти „опозиционеры", или, вернее, казаки-националисты, не признающие г. Билого своим возглавителем, имеются и в других странах (во Франции, Чехословакии, Югославии, Польше, Германии и т. д.).

Но гвоздем этого обращения является фраза: „Если эта рука будет оттолкнута я назначу Окружной С'езд в Болгарии"...

Позвольте, Игнат Архипович, как же это вы будете назначить Окружной С'езд в Болгарии, когда там вас, за исключением одного человека, которому вы высылаете деньги, и 3—4 его приверженцев, никто не признает?!.

Странно редактор журналл „ВК"., живущий в Париже, будет назначать Окружной С'езд в Болгарии, а Председатель Центр. Правления Казаков Националистов П. Н. Кудинов. живущий в Софии, будет только . . помогать ему, так сказать, быть у него на побегушках!...

Нет, Игнат Архипович, если вы действительно прониклись благородной мыслью устранить недоразумения, возникшие среди ВК, то должны бы писать ваше обращение иначе, так сказать, без задней мысли.

Я думаю, что едва ли Окружной С'езд в Болгарии может устранить эти „недоразумения". Ведь мы, казаки-националисты, кладем в основу Вольнокачьего движения природные казачьи общественные традиции, т. е. то, под чем Вы, уважаемый Игнат Архипович, подписывались в № 13 „ВК" в статье: „Вопросы програмные". Теперь-же, вот уже 5-й год, проповедуете и восхваляете единоличное и самоуправное возглавление Казачества. Вот где собака зарыта. Вам это хорошо известно.

По моему мнению это „недоразумение" может разрешить только Большой Круг, о котором вы раньше так много говорили и писали и на созыв его денежки собирали.

Только на свободно избранном Большом Круге, с представителями от всех национальных казачьих организаций, может разрешиться вопрос о слиянии всех казаков националистов в один мощный казачий кулак.

Яков Лопух (Югославия)

НА МОГИЛАХ СОРАТНИКОВ

19 июля, по случаю Булавинского дня, Пражская станица казаков-националистов, во главе с своим правлением, отслужила панахиду по герою Атаману и, по преждевременно умершим своим соратникам — Юрии Гончарове, Филиппе Воропинове и Терентие Старикове. После поминовения на могилы этих трех соратников казаки-националисты возложили венки из живых цветов. После этого члены станицы сошлись на беседу, во время которой член ЦП Др. С. Федоров сделал краткий доклад: „Булавин-символика Казачества". Приехавший из Братиславы секретарь Окр. Правления С. Балыков приветствовал собравшихся и от имени Окр. Правления выразил благодарность за то, что пражские казаки-националисты, не смотря на тяжести кризисного времени, нашли возможность вспомнить своих безвременно умерших дорогих соратников. Поражало воображение идейных людей то, что в таком, казалось бы, бесспорном акте демонстративно не участвовали вольные казаки сторонники диктатора Билого. Не приходится думать, что так себя повели бы вольные казаки по своей инициативе (соб. кор).

ВОЛЬНЫМ КАЗАКАМ В ГОР. ЛУЦКЕ

Ввиду того, что в отделе „отклики" журнала „Казакия" (номер 12) помещен ваш протест, который явно насыщен неприязнью к отдельному лицу, во мия правды и справедливости обращаюсь к Вам, дорогие станичники, с горячей просьбой не увлекаться пустословием в бесполезной перебранке. Будем справедливы и взоры свои обратим скорее на свою собственную слабость в деле создания вольно-кезачьей организации. Не будем мы заниматься демагогическими приемами, расчитанными на разрушение хоть и „худо склеенного" вк округа. Что-же мы сможем противопоставить взамен сокрушенного вами вольноказ. ядра?...

Если мы приняли на себя звание вольных казаков, этим самым добровольно взяли на себя обязанность по рыцарски исполнять ответственный долг перед судьбой своего народа. Иначе трудно сопоставить ценность исповедуемых нами идеалов с непримиримостью к человеку, к работе которого следует присмотреться ближе, хотя бы „и ставленникам Билого".

Мы можем подвергать разумной критике действия с нами несогласных, изобличать их подлость, но несерьезно нападать на человека потому, что у него „не казачья физиономия" или неблагозвучная, по вашему, фамилия!...

Я, как старый вольный казак, беру на себя смелость указать на неправильность избранного вами пути „защиты" вк. идеи. Если вдруг недалеко от вас оказались „проходимцы", то нечего их так опасаться честно думающим казакам, научившимся за время пребывания в эмиграции хорошо различать „волков в овечьей шкуре". Мало предать их властям, необходимо самим немедленно организоваться и настоять создать не однобокий, а настоящий, с широким представительством, ВК округ. Создадите таким образом сильный панцырь против непрошенных гостей. Вы же, станичники, ограничились только мало говорящим о вас протестом, не используя благоприятной обстановки для создания хутора.

Не знаю я лично г. Штовханя, но по оживленной переписке, удалось мне убедиться в его энергии. На все поставленные мною вопросы, он отвечал со спокойствием твердо убежденного человека. К действиям его по легализации округа, я вносил много поправок и своим вмешательствое не хотел допустить его до игнорирования вольных казаков, не признающих г. Билого Походным Атаманом.

Не могу точно сказать, преписать ли это моим пребованиям и их влиянию, но факт уже установлен. что издаваемый г. Штовханем журнал „Казачья Воля" является органом вольных казаков в Польше без всяких унизительных преклонений в сторону Билого, что дало и мне возможность принять в нем участие.

Хотя г. Штовхань оффициально и является сторонником Б. это еще не отнимает у него чести быть вольным казаком и поддерживать хорошие отношения с братьями вольными казаками из крыла „Казакии".

Что-же касается иногородности г. Чебурашкина, то я советовал бы лучьше проверить, почему он именует себя казаком, иначе ваше утверждение может оказаться таким же голословным, как оно было и по отношению выбранного нами ст. Александрова (окр. атаманом), которого, однако, вы не поддержали.

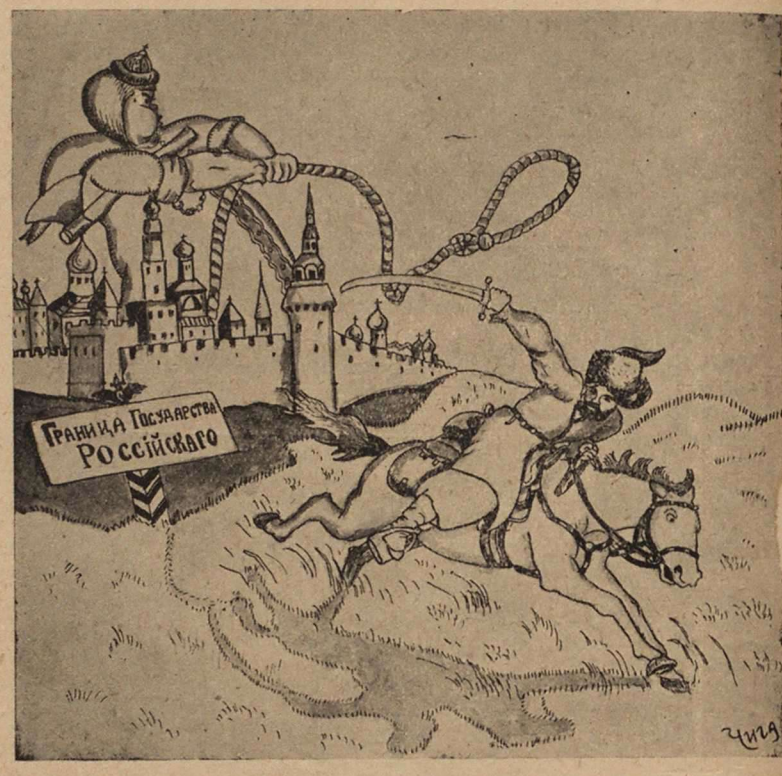
Вл. Еремеев (Польша)

— **Товарищ** Председателя Кубанской Рады доцент Григорий Васильевич Омельченко, наш неизменный друг и пособник, назначен, декретом Министерства Народного образования ЧСР директором Украинской гимназии в Ржевницах у Праги. Назначение это является показателем ценности казачьих культурных сил, при большой конкуренции эмиграции вообще. Ранее был директором Русской гимназии в Праге тоже Кубанский культурный работник Ф. С. Сушков.

— **25 июня,** полечением супругов М. В. и Г. В. Омельченко, был устроен Литературный чай, на который были приглашены представители различных народов в эмиграции. Присутствовала на нем молодая талантливая болгарская поэтесса Яна Язова, читавшая свои стихи. Вечер прошел в оживленных обменах речами эмигрантов-журналистов и Я. Язовой, свидетельствовавших о братской дружбе между болгарами и народами, представленными на вечере. От казаков выступал Д-р А. И. Балабас. Бадьма Наранович Уланов составил экспромтом стихи на калмыцком языке в честь Я. Язовой.

— **Пропаганда** наших идей в иностранной прессе приносит уже и результаты. Наши пражские сотрудники получили предложение дать в издаваемую чехами книгу о Славянской проблеме карту СССР., разделенную в народностно-политическом отношении так, как себе ее представляют казаки-националисты, по падении Соввласти.

— **Статьи** по казачьим и антисоветским вопросам, из под пера казаков националистов, появились и в недавно начавшем выходить в Праге сборнике „Новая Чехословакия". В газете „Народни Вызва" — орган чешских националистов (движение за новую Чехословакию) были помещены статьи: Д-ра Федорова — „Важне непокой в советском союзе", „Советские маршалы", „О чем советы не информируют" (о борьбе кубанцев против советов), „Как умирали зеленые", „Подвох с казаками" (по поводу выступления оборонцев). Инж. Б. Фесенко — „Миролюбвые советы", „Государство, которое хотим познать". Инж. Д. Еременко — „Советские достижения", „Славянская ЧСР, и восточный вопрос", Кто властвует в СССР". Инж. Глазкова — „В СССР. забыли вкус хлеба", „Революционная работа советов" и целый ряд иных статей по самым актуальным вопросам. Большинство этих статей параллельно печаталось и в иных нацианалистических газетах, как-то: „Народная Республика", „Оборона Народа". Казачьи материалы попросила редакция ежемесячного журнала „Влайка" (Флаг). Наши сотрудники имеют целый ряд писем от редакций с похвальными отзывами читателей по целой республике, которые впервые знакомятся с об' ективным освещением казачьего вопроса и положения в СССР. Статьи казачьих националистов в

Любовь Москвы к Казачеству

чешской прессе дали возможность и другим эмигрантам навязать связь с местной прессой и также принимать участие, как напр. грузин Др. Чочия, украинцы, белоруссы и пр.

В № 4 „Нар. Выз." помещены антисоветскорусские стихи чеха Викт. Коплика, посвященны С. Федорову — „Не люблю игры на балалайках"- Стихотворение это написано в связи с казачьими восстаниями в СССР.

В номере 2-м газеты „Светоглас" — органе Союза Иностр. писателей в Болгарии — помещена большая статья Д-ра Федорова (члена этого Союза) „Болгары и казаки с древних времен и до наших дней". (Историческое обозрение со времен пребывания болгар на Северном Кавказе в 8—9—10 ст. ст., казачьей эмиграции в Болгарии в 18—14—20 ст. ст.).

— **„Общество** Ревнителей Казачества" в Париже издало 4-й номер газеты „Единство и Независимость" в 8 страниц. Номер богат и разнообразен по содержанию. Главная статья Шамбы Балинова напечатана на французском языке. Номер имеет и литературный отдел. Львиную долю материальных расходов взял на себя Александр Алимов, который стоимость этого номера должен отработать в типографии.

ЗЕМЛЯ ИЗ КАЗАКИИ! Съ течением времени, неустанная пропаганда множества казачьих патриотов идеи казачьего национализма везде и всюду дает свои плоды. Так, например, в Чехословакии, независимо от официальной правительственной политики, можно нередко встретить местных граждан, которые не только прекрасно и об'ективно информированы в казачьем вопросе, но и сочувственно относятся к идее казачьего освобождения. Среди одной группы экскурсантов из Чехословакии в СССР. находилось несколько друзей Казачества, которые обещали местным казачьим националистам привезти им горсть их родной земли. После месячного путешествия по СССР (преимущественно по югу) экскурсия эта ныне вернулась домой. Друзья Казачества привезли три кисета казачьей земли — с Дона, Кубани и Терека. Донская земля взята ими на берегу Дона у Ростова, Кубанская на берегу реки у станции Кавказской, а Терская земля на утесе на берегу Терека у Владикавказа. Благодаря этой любезности наших друзей, Чехословацкое Окружное Правление располагает ныне тремя кисетами драгоценной земли, которой оно может поделиться и с другими окружными правлениями, чтобы казак, не дождавшийся возвращения на родину, мог почить хоть под горстью родной земли, обильно политой кровью его предков. Упомянутые друзья Казачества не ограничились только наполнением данных им кисетов горстями земли. Они имели случай на Дону беседовать с одним старым казаком. Когда этому казаку наш друг сказал, что в ихнем городе в Чехословакии живут казаки и что они мечтают о свободном Казачестве, то старик, после внимательного разглядывания иностранца, сказал: „Скажите им, что думы наши одни. Еще передайте им поклон от Тихого Дона".

ДОНСКОЙ АРХИВЪ

† 11-го августа 1936 года в гор. В.-Търново, Болгарии, скончался от туберкулеза казак Кубан. Войска станицы Лабинской, Лобинского отдела, **Яков Иванович Ермалаев.** Мир праху твоему дорогой поборник Казачьей Свободы и Независимости.

Окружной Правление.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на литературно-исторический информационный журнал

КАЗАКИЯ — КОЗАКІЯ

Условия подписки	на 6 мес.:		на год.		отделного номера	
Во Франции	12	фр.	24	фр.	2	фр.
В Чехословакии	30	к. ч.	50	к. ч.	5	к. ч.
В Болгарии	60	лева	120	лева	10	лева
В Румынии	80	лей	160	лей	12	лей
В Польше	8	зл.	15	зл.	1	зл.
В Германии	3	р. м.	5	р. м.	50	пф.
В Сев. Америке и др. странах.	1·50	долл.	3	долл.	0·20	долл.